

Ложный лик

Аморта

18+

Аморта

Ложный лик

«Автор»

2026

Аморта

Ложный лик / Аморта — «Автор», 2026

Она приехала попрощаться с прошлым. Прошрое её не отпустило. Эдлин Готт наследует поместье убитой бабушки — и планирует провести здесь последнее лето, прежде чем выйти замуж и уехать навсегда. Но в лесах, обступивших Олдвуд Холл, обитают существа, что крадут чужие лица и приходят по ночам. Правду знает лишь один человек — Итан Вальмер. Изгой с дурной славой. Последний, кто видел бабушку живой. И единственный, кто может её защитить.

© Аморта, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ложный лик

Глава 1

Я не думала, что письмо, связанное с бабушкой, способно причинить такую боль. Наши и без того редкие переписки не могли похвастаться близостью, которой мне не хватало последние месяцы. Уже долгое время она вела затворнический образ жизни и с каждым разом делилась со мной новостями все меньше. Оттого каждое письмо из ее поместья радовало меня. Но это письмо было не от нее. Отправителем значился нотариус, и первые же строки выбили воздух из легких.

Я с трудом дочитала до конца.

«Она скончалась».

Слова впечатались в сознание. Мир остановился. Слезы застилали глаза, строки расплывались, точно отражение в луже после дождя. Руки дрожали. Реальность истончилась, сделалась хрупкой и зыбкой — и в этой зыбкости не за что было ухватиться. Как все оборвалось так внезапно? Как теперь жить без ее писем, без неторопливых рассказов о саде, о малых радостях, которые она умела превращать в нечто значительное?

В мысли тут же ворвались жестокие картины: последняя наша встреча была полтора года назад, и теперь осознание, что мы больше никогда не увидимся, выбивало землю из-под ног. В груди больно щемило от жестокого осознания безвозвратности времени.

Стоило закрыть глаза — передо мной возникало ее лицо: светлое, спокойное, с мягкой, почти заговорщицеской улыбкой. Сердце сжималось, мысли утекали в глухую темноту. Я пыталась вспомнить ее голос, тихий смех, но воспоминания казались далекими, будто уже не моими. Я чувствовала себя потерянной, как лодка, сорвавшаяся с якоря.

За окном жизнь продолжалась, но для меня поблекла. Краски потускнели, даже солнце, пробивавшееся сквозь облака, казалось чужим и холодным. Я сидела у камина в гостиной, в кресле, обитом темно-синим бархатом цвета ночного неба, — бабушка называла этот оттенок «достойным королей». Огонь мерцал, точно сочувствуя, но согреть не мог.

В соседней комнате, где дверь была приоткрыта, я слышала голоса родителей. Они не знали, что я здесь, и говорили громче, чем следовало. Мне не следовало подслушивать, но любопытство взяло верх: я тихо подкралась к двери, желая расслышать, о чем они говорят.

— Нет, Филип, — произнесла мать, не поднимая глаз от шитья. Пальцы ее замерли, так и не пронзив ткань иглой. Она сидела, откинувшись на спинку кресла, и кружевной воротник, казалось, душил ее; она машинально потянула его вниз, но жест вышел резким, почти нервным. — Мы продадим дом. Я не желаю слышать ни о какой летней резиденции.

Отец стоял у камина, и пламя рисовало на его лице тревожные тени. Бокал бренди в его руке был почти нетронут — он держал его не для питья, а как вещь, за которую можно ухватиться, когда слова даются с трудом. Обычно уверенное, почти надменное выражение его лица сменилось напряжением: он не смотрел на жену, точно вслушивался в далекий, неясный гул собственных мыслей.

— Это дом моей матери, — сказал он тихо, но с тем особенным упрямством, какое появляется у человека, отстаивающего не истину, а собственную боль. — Я вырос в этих стенах, Мэри. Каждая комната помнит мой смех. Для меня это не просто место. Это память. История семьи.

Мэри подняла голову. Игла так и осталась воткнутой в полотно.

— Память? — переспросила она холодно. — Ты всерьез хочешь вернуться туда, где ее настигла смерть? Или ты не думаешь, что там до сих пор опасно?

Филип отвернулся к окну. Стиснул бокал так, что побелели костяшки пальцев. За мокрым стеклом тонули в сумерках очертания сада.

— Его найдут. Пусть не сразу, но найдут, — проговорил он глухо. — Поместье стоит у леса. Всякий знает, что голодный зверь мог выйти оттуда. А если так, его выследят. Пристрелят.

Я смотрела на отца. Плечи его были напряжены, спина прямая, как натянутая струна. Он не хотел уступать — не потому, что не понимал опасности, а потому, что не мог предать дом, который был для него живым.

— Ты правда веришь, что нам будет там безопасно? — Мэри подалась вперед. — А если тварь так и не найдется? Каждое лето вздрагивать от каждого шороха? Каждую ночь гадать, что там, за дверью?

Филип медленно повернулся к ней. В полумраке лицо его казалось бледнее обычного.

— Охотники прочесывают округу, — сказал он ровно, будто повторял заученное. — Рано или поздно найдут и пристрелят.

— И все же ты хочешь сохранить дом? — В ее голосе прозвучало почти детское недоумение.

— Его все равно никто не купит, — резко бросил он, и в голосе его впервые прорезалась горечь. — Люди не покупают дома с такой историей.

— А история еще не закончилась, — тихо, но отчетливо произнесла Мэри. — Малолетнего любовника твоей матери так и не нашли. Возможно, его тело до сих пор лежит где-то на лесных тропах. Разорванное. Растерзанное. И когда его найдут — а его найдут, — о поместье заговорят снова. Уже с двумя трупами. Тогда продать его будет еще труднее.

Филип резко поставил бокал на каминную полку.

— Ты слишком жестока.

— Я говорю правду. — Она не отвела взгляда. — Ты потерял мать. Мне не понять твоей боли. Но когда ты придешь в себя, ты сам поймешь, что я советую тебе разумные вещи.

Он промолчал. В комнате повисла тяжелая тишина.

— А возможно, Вальмер просто сбежал, — задумчиво проговорила она, не глядя на мужа. — Прихватил пару драгоценностей твоей покойной матери и покинул страну, чтобы на него не подумали. Или... — она на мгновение замерла, кончик иглы уперся в палец. — Или он сам причастен ко всему этому.

Итан Вальмер. Это имя я слышала и прежде — оно долетало до меня обрывками разговоров, которые взрослые торопливо обрывали, стоило мне войти в комнату. С его обладателем я никогда не разговаривала: несколько раз видела его рядом с бабушкой на приемах, но представлены мы не были. После слухов, что поползли об их союзе, я сильно отстранилась от бабушки, посчитав, что она предала нашу особую связь. Все свое время она проводила с этим молодым человеком.

Лишь несколько лет назад стало известно, что бабушка состоит в отношениях с сыном своего покойного друга — человеком с непростой, почти трагической судьбой. Связь эта, возникшая, по-видимому, из давней привязанности и общего горя, многим казалась предосудительной, и потому о ней предпочитали молчать. Словно молчание могло сделать ее несуществующей.

Когда-то семья Итана Вальмера занимала заметное положение в обществе. Их имя ассоциировалось с достатком, связями и уважением. Но более десяти лет назад все рухнуло. Его отец внезапно утратил рассудок — болезнь развивалась стремительно и необратимо. Его поместили в психиатрическую клинику, где он вскоре умер. Мать Итана не пережила ни краха семьи, ни утраты мужа: сломленная горем и нуждой, она скончалась спустя короткое время.

От некогда благополучного рода остался лишь Итан — единственный наследник, лишенный не только состояния, но и опоры. Его спасло вмешательство богатой знакомой отца, взяв-

шей на себя роль покровительницы. Благодаря ей Итан получил крышу над головой и возможность не исчезнуть бесследно, как это часто случается с людьми его положения.

И все же союз с бабушкой не выглядел случайным.

К тому моменту она была вдовой — женщиной с безупречной репутацией, высоким положением и утонченными манерами, к которой в обществе относились с почтением, почти с благоговением. Возможно, одиночество, а возможно, потребность быть нужной и понятой сыграли решающую роль. Она впустила Итана в свой дом, а затем и в свою жизнь.

Реакция общества не заставила себя ждать.

Сначала это были осторожные намеки, приглушенные шепоты за спиной, притворно сочувственные взгляды. Но довольно скоро сплетни перестали скрываться. Бабушку обвиняли в недостойном поведении, называли легкомысленной женщиной, цепляющейся за уходящую молодость. Итана же представляли ловким выскочкой, расчетливым и беспринципным, решившим воспользоваться ее возрастом, одиночеством и состоянием.

Поговаривали, что он намеренно втерся к ней в доверие, тонко играя на ее уязвимости, умело подстраиваясь под ее желания. Каждое их появление вместе становилось поводом для новых домыслов. Ирония заключалась в том, что ее высокий статус не защищал от нападок — напротив, делал ее падение в глазах окружающих особенно «вкусным» зрелищем.

Люди с удовольствием искажали реальность. В их рассказах бабушка превращалась в наивную, ослепленную страстью женщину, а Итан — в холодного манипулятора, терпеливо плетущего сеть вокруг своей жертвы. Они придумывали подробности их якобы тайных встреч, пересказывали несуществующие диалоги, приписывали жесты, взгляды, фразы — все, что делало историю более скандальной и порочной. Эти вымышленные сцены разлетались по округе с пугающей скоростью, оставляя после себя лишь горечь и ощущение несправедливости у тех, кто знал бабушку по-настоящему.

Поначалу я испытывала к этим разговорам лишь злость и отвращение. Мне казалось немыслимым, что о ней — умной, сдержанной, осторожной женщине — могут говорить подобное. И все же со временем я начала замечать детали, которые тревожили.

Однако бабушка оставалась непреклонной. Она словно отгородилась от всего мира, посвятив последние годы исключительно этому мужчине. Но даже в этом отдалении я чувствовала ее прежнюю заботу — просто выраженную иначе. Письма приходили все реже, но каждое из них было наполнено мелочами, которые она подмечала только для меня. И все же боль от того, что она вычеркнула нас из своей жизни, не проходила.

И все же я понимала: это был ее выбор.

Желание подслушивать разговор родителей быстро пропало. Не желая более тратить на это время, я двинулась в свою комнату. Однако уйти от мыслей не удалось: шаг за шагом я продолжала размышлять о семье и о той тягостной атмосфере, что давно пропитала наш дом.

Отец вырос в атмосфере строгих правил и жестких ожиданий. Суровый, непреклонный, он привык добиваться своего и казался человеком, которого невозможно поколебать. Но за этим внешним контролем скрывалась натура страстная, подверженная сильным эмоциональным вспышкам. К матери он испытывал чувства настолько откровенные и бурные, что их проявления нередко смущали окружающих. На семейных приемах или даже на публике он мог неожиданно сжать ее руку, наклониться и прошептать что-то ей на ухо, отчего она заметно краснела, или позволить себе жест, слишком вольный по меркам приличий. Его поцелуи — в руку, в щеку — становились поводом для шепота за спиной и неодобрительных взглядов.

Каждый их конфликт завершался тягостным молчанием, в котором скапливались невысказанные обиды и взаимные упреки. Возможно, именно эта напряженность когда-то повлияла на отношение бабушки к их браку. Она искренне считала, что моя мать «искажает» ее сына, подталкивает его к неподобающему поведению. Это обвинение всегда казалось мне странным,

ведь, несмотря на сложности, между моими родителями существовала почти животная страсть — разрушительная, громкая, но несомненно живая.

С детства я идеализировала отца и представляла будущего мужа похожим на него: сильным, принципиальным, вызывающим уважение. Реальность оказалась иной. Мой жених, Винсент Грейвуд, был человеком совсем другого склада — спокойным, уравновешенным, сдержанным. Встретив его, я не испытала вспышки страсти; скорее — чувство тихой уверенности, будто меня укутали теплым пледом в прохладный вечер.

Наши отношения напоминали скорее надежное партнерство или дружбу, чем союз, наполненный огнем. Он заботился обо мне с редкой, почти безупречной внимательностью: всегда был рядом, выслушивал, помогал, предлагал решения. Иногда — слишком старательно. Порой Винсент предугадывал мои желания с такой точностью, что я чувствовала себя одновременно защищенной и ограниченной, словно под опекой старшего брата.

В этой заботе было все, кроме необузданного импульса, которого я ожидала от супружеской жизни. Наши вечера проходили тихо и предсказуемо: разговоры о новостях, прогулки в саду, чтение книг. Это приносило покой, но не трепет. Иногда мне казалось, что наши беседы подчиняются негласному протоколу — в них не хватало глубины, того эмоционального напряжения, которое я всегда связывала с любовью.

Я все чаще задавалась вопросом: возможно, вдохновение — не то, что следует искать в браке? Может быть, именно эта ровная гармония и есть его истинная форма? Но стоило ли ради нее отказываться от мечты о великом чувстве? Время, проведенное с Винсентом, согревало, но не заставляло сердце биться быстрее. Я ловила себя на том, что воспринимаю его скорее как брата или верного союзника. Да, этот брак обеспечивал мне положение в обществе, уважение и даже зависть со стороны подруг, но сомнения не исчезали.

Иногда мне казалось, что я стою на пороге чего-то важного, но не могу понять — чего именно жду. Винсент воплощал стабильность и надежность, ту опору, которую принято ценить. И все же в глубине души продолжало звучать тихое, упрямое желание большего — не статуса, а того, что способно затронуть самые потаенные струны.

Проходя по коридору, я остановилась перед портретом бабушки. Ее прямая осанка, изысканные украшения, уверенный взгляд — все напоминало о силе ее характера. За ее спиной был изображен дедушка: человек без яркой внешности, но с несгибаемой волей и деловой хваткой. Его влияние и репутация всегда перевешивали любые насмешки.

Глядя на этот портрет, я задумалась, как меняется восприятие человека со временем. Раньше бабушка казалась мне воплощением строгости и непреклонности, человеком, не знающим сомнений. Теперь же, осмысливая ее выбор, я начинала видеть за этим фасадом хрупкость и человеческую уязвимость. Она была не только сильной женщиной, но и человеком, который осмелился искать счастье — даже вопреки общественным ожиданиям.

Ее поступок, который когда-то казался мне странным и даже неприемлемым, теперь обретал иной смысл. После всего произошедшего я все яснее понимала: она не просто сделала сложный выбор — она рискнула.

Мысли снова вернулись к времени — к этой ускользающей материи, которую невозможно удержать в моменте, невозможно отмотать назад или заглянуть в ее неведомую глубь. Сейчас был июнь, а в конце августа нам с Винсентом предстояло покинуть страну: его ждала новая должность, меня — новая жизнь, и свадьба должна была состояться уже за границей.

Но прежде я все чаще думала о том, чтобы провести лето с бабушкой. Хотелось приехать к ней, побыть рядом, как прежде. Вернуться туда, где прошло мое детство, где знакомы каждая ступень и поворот коридора.

И все же теперь мне трудно было представить себя в этих стенах. Даже на расстоянии я чувствовала: того тепла, которого ждала, там уже не будет. Те чувства и эмоции, что я надеялась

испытать рядом с ней, не случатся. Это лишало поездку смысла, но в то же время провести последнее лето в ее доме казалось мне актом памяти. Возможно, она бы этого хотела.

Жаль, что я никогда не узнаю наверняка.

Тяжелое облако мыслей окутывало разум, и покой казался недостижимой мечтой. Сколько бы я ни пыталась убежать, каждая попытка разбивалась о глухую неизбежность — словно волна, снова и снова бьющаяся о каменные скалы. Мысль о предстоящих похоронах тянула душу вниз, как камень, привязанный к ногам. И в этом бесконечном внутреннем мраке передо мной вновь и вновь возникала фигура бабушки, проступающая в полутьме сознания все отчетливее, все настойчивее.

Ее образ манил, обращаясь ко мне беззвучно, но так ясно, что несказанные слова звенели в ушах. Она звала меня домой — в свой дом, ставший теперь безмолвным наследием. Я понимала, что это лишь игра измученного воображения, что ее больше нет, но ощущение, что она нуждается во мне, было почти физическим, непреодолимым.

Воспоминания накатывали, как плотный туман. Ее сад — живой в каждом лепестке, в каждом трепете бабочки. Фонтаны, где капли воды вспыхивали на солнце, словно жидкое золото. Лесные тропинки вокруг поместья, где земля всегда казалась мягче и теплее, чем где бы то ни было. В этих картинах была жизнь, которую невозможно вернуть. И все же они вставали передо мной с мучительной ясностью, будто только вчера мы вместе катались верхом или собирали ее любимые цветы. Мне чудился их аромат, я почти ощущала прикосновение лепестков к коже. Все это тянуло меня — тонкой, но прочной нитью прошлого, связывавшей меня с ее миром.

Не в силах больше лежать неподвижно, я медленно выбралась из-под одеяла. Босые ноги коснулись холодного пола, и по телу пробежала дрожь. В комнате было темно: лишь слабый свет уличного фонаря просачивался сквозь неплотно задернутые шторы, рисовал на стене бледную полосу. Я подошла к окну. Внизу, вдоль мостовой, горели газовые фонари — тусклые, дрожащие на ветру, будто и они устали к концу ночи. Я отворила створку и вдохнула ночной воздух — влажный, холодный, пахнувший мокрым камнем и конским навозом.

Из окна открывался вид на аллею Бэркинского парка. Днем здесь былолюдно: прогуливались леди с зонтиками, грохотали колеса карет, слышались голоса разносчиков. Теперь парк лежал в темноте, и лишь редкие фонари отбрасывали на дорожки желтые круги света. Мраморные фонтаны, днем оживленные блеском воды, теперь темнели в сумраке, будто надгробия. Город не спал — где-то вдалеке стучали копыта, скрипела вывеска, хлопнула дверь, — но все это тонуло в вязкой ночной тишине, не нарушая ее, а лишь подчеркивая.

Сидя на подоконнике, я наблюдала, как ночь постепенно стягивает улицу своей тишиной. Тени домов стояли, словно часовые на границе между мирами. Где-то мелькнул одинокий прохожий — темный силуэт, торопливо шагавший вдоль ограды. Бродячая собака пересекла мостовую и растворилась в переулке. Взгляд мой растворялся в сумраке, пока усталость не начала медленно, но неотвратимо обволакивать сознание. Она ложилась на меня, как темное покрывало, приглушая боль и притупляя мысли.

Наконец я закрыла окно. В комнате сразу стало тише, теплее. Лежа в постели, я позволила ночи взять меня в свои мрачные, но неожиданно мягкие объятия — не как угрозу, а как обещание передышки.

Люди, которых я прежде знала лишь поверхностно, а некоторых не знала вовсе, собрались в тяжелом молчании, облаченные в строгие черные одежды. Их траур был безупречен: сдержанные жесты, выверенные выражения лиц, приглушенные взгляды. Скорбь здесь подчинялась негласному этикету и не позволяла себе ни единого лишнего проявления. Ужасная

новость о зверском убийстве миссис Элеоноры Готт повисла над собравшимися плотной, удушающей тучей. Любое движение, любое слово выглядело бы кошунственным — нарушающим это хрупкое равновесие между болью и приличием.

Когда настал момент прощания, я осталась в стороне, наблюдая, как гроб медленно опускают в разверстую землю. Тело бабушки было изувечено настолько, что многие, знавшие ее при жизни, умоляли закрыть крышку, сохранить в памяти ее прежний, неприкосновенный образ. Отец, однако, позволил открыть гроб лишь для самых близких — для себя, для меня и для тех, кто настаивал на последнем прощании. Остальные прощались с закрытым гробом. Голос отца звучал глухо и твердо, когда он сказал, что обязан увидеть правду, какой бы отвратительной и невыносимой она ни была. Он не позволил щадить себя.

Собравшиеся стояли неподвижно. Лишь редкие, почти подавленные всхлипы нарушали тишину. Я не выдержала. Чужие лица, искаженные искренней скорбью, становились зеркалом моей собственной боли. Тихо, стараясь не привлекать внимания, я отошла по узкой дорожке, тянувшейся вдоль кладбища. Оглянувшись, я увидела, как люди постепенно растворяются в серой дымке надвигающегося вечера, словно тени.

Мой взгляд задержался на отце. Он стоял неподвижно, сцепив руки так сильно, что побелели костяшки пальцев. Лицо его было напряжено, словно он удерживал внутри себя нечто разрушительное. Эта стойкость, всегда казавшаяся мне признаком силы, теперь выглядела болезненной — почти противоестественной.

Мать находилась чуть поодаль. Она, как всегда, сохраняла безупречное самообладание. Их с бабушкой не связывала близость, но уважение, продиктованное воспитанием и положением, она соблюдала неукоснительно. Друзья и знакомые — те, кто когда-то вращался в бабушкиных светских кругах, — застыли в молчаливом оцепенении. И я не могла понять, что тревожит меня сильнее: подлинность их горя или то смирение, с которым они принимали эту утрату, словно она была лишь неизбежной частью установленного порядка.

Я шла вдоль рядов могил, останавливаясь у надгробий с выцветшими надписями. Каждое имя, каждая дата казались отголосками чужих жизней — когда-то полных надежд, любви и боли. Мне трудно было принять, что бабушка, чье присутствие всегда казалось незыблемым, теперь принадлежит этому молчаливому сообществу. В памяти всплывал ее кабинет, кресло у камина, книга, покоящаяся на коленях. После смерти дедушки ее одиночество стало почти осязаемым, и, как бы мы ни старались быть рядом, ничто не могло восполнить эту утрату.

— Эдлин, будь столь любезна обратить на меня внимание.

Я обернулась и с легким удивлением увидела Винсента Грейвуда. Он шел ко мне быстрым, уверенным шагом, который плохо вязался с этим местом и этим часом. Его присутствие здесь казалось странным — почти невозможным, если учитывать строгость его служебных обязанностей.

— Чем вызвана столь отдаленная прогулка, моя дорогая? — произнес он, замедлив шаг, будто внезапно осознал, что его тон прозвучал слишком резко.

В этот миг вороны, до того кружившие над деревьями, взметнулись в небо и разлетелись в разные стороны, словно по безмолвному приказу. Тишина, оставшаяся после них, легла тяжелым грузом, подчеркивая напряжение, которое я тщетно пыталась скрыть.

— Винсент, — сказала я, делая шаг ему навстречу, — что привело вас сюда? Разве вы не должны быть в конторе?

Он чуть склонил голову, почти извиняясь, и позволил себе сдержанную улыбку.

— Отец счел возможным освободить меня от обязанностей, — ответил он. — Он полагал, что в такие дни мое место рядом с вами и вашей семьей.

— Это редкостное великодушие, — сказала я искренне. — Прошу, передайте ему нашу благодарность.

— Должен заметить, — произнес Винсент, внимательно вглядываясь в мое лицо, — вы сегодня удивительно собраны. Хотя тревоги последних дней все же оставили след.

Я подняла взгляд. Он стоял слишком близко, и, как всегда, его рост подчеркивал разницу между нами. Раньше это не тяготило. Теперь — почти давило.

— Вы правы, — ответила я тише, чем хотела. — Все оказалось тяжелее, чем я ожидала. Он помолчал.

— Похороны редко бывают иными.

Ответить мне было нечего. Слова давались с трудом, и я поймала себя на том, что избегаю его взгляда. Хотелось увести разговор в сторону — хоть ненадолго, хоть на несколько минут отвлечься от этой тяжести.

— Когда вы прибыли?

— Совсем недавно. Леди Сара указала мне путь. Она заметила, что вы ушли в эту сторону.

— Ее наблюдательность неизменна.

— Такие люди удерживают мир от хаоса.

Он сказал это без улыбки. Я не нашлась, что ответить. Мы снова замолчали. Но теперь тишина не давила. В ней было что-то почти живое — как дыхание, которое боишься спугнуть.

— Благодарю вас за то, что приехали, — сказала я наконец.

— Я не мог поступить иначе, — ответил он мягче. — Оставить вас одну сейчас было бы... недопустимо.

В его голосе звучала забота. Но за ней я уловила беспокойство — глухое, спрятанное глубоко, словно он знал нечто, чего не договаривал.

— Что вы намерены делать дальше? — спросил он после паузы.

— Простите?

— Вы собирались этим летом навестить дом бабушки, — сказал он осторожно, будто ступая по тонкому льду. — Теперь обстоятельства... изменились.

— Я все равно поеду.

Слова вырвались быстрее, чем я успела подумать. Винсент замер. На его лице не отразилось ни гнева, ни удивления — только холодное, почти осязаемое несогласие.

— Эдлин...

— Это единственный дом, который я когда-либо считала родным. — Я сжала пальцы в замок, чтобы не выдать дрожи. — Я не могу просто отвернуться от него.

— Мне кажется это будет тяжелое испытание для вашего сердца.

— Возможно. — Я заставила себя выдержать его взгляд. — Но мне хочется попрощаться.

Он опустил глаза. Молчание затянулось.

— Насколько мне известно, охотники так и не смогли никого найти. Эта поездка может быть опасной.

Голос его стал жестче. Это не было допросом. Хуже — это была попытка удержать.

— Понимаю, мне и самой тревожно на душе. Но у меня не так много времени. Боюсь, что после буду жалеть. Что упустила такую возможность. Неизвестно когда я в следующий раз приеду, а судьбу поместья отец и матушка уже очень активно решают, и я боюсь, что рано или поздно отец сдастся.

— Мэри намеревается избавиться от поместья? — спросил Винсент.

— Она верит в ауру. — Я невесело усмехнулась. — А после того как бабушка умерла там насильственной смертью, считает, что дом обречен на несчастья.

— Суеверия, — попыток он.

— Да. А для отца это память. Часть его жизни. Наследие. — Я помолчала. — Он долго не уступит. Но эта утрата его подкосила. Уже сейчас видно, как тяжело ему бороться.

Винсент медленно кивнул.

— Сил вашему отцу.

— Благодарю.

Он посмотрел на меня внимательно, словно решая, стоит ли продолжать.

— И все же готовы рискнуть?

— Да. — Я выдержала его взгляд. — Хотя мне и страшно. К тому же тело Итана так и не нашли. Это ужасает.

— Поверьте, теории на этот счет уже разлетелись по столице, — невесело произнес Винсент.

— Даже слышать о них не хочу. Людям лишь бы придумывать и распространять.

— Такова сущность некоторых людей. — Он чуть прищурился, глядя в сторону темных деревьев. — Чужие жизни для них слаще горькой истины.

Смех повис в воздухе, как осколок разбитого стекла, — неестественный, пугающий даже меня саму. Я прижала ладонь к губам, словно пытаюсь загнать его обратно, но поздно: он уже прозвучал, и теперь между нами воцарилась тишина, какая бывает после постыдного признания.

Винсент не отвел взгляда. Он смотрел на меня с тем особенным, почти мучительным состраданием, от которого хочется отвернуться, — потому что оно обнажает больше, чем любые слова.

— Я бы хотел иметь возможность быть рядом с вами... и периодически навещать вас.

Тишина снова сомкнулась вокруг нас, словно печать, скрепляющая выбор, от которого уже невозможно было отступить.

Охваченная тихим, почти виноватым удовлетворением, я размышляла о том, как Винсент — столь непохожий на большинство мужчин — сумел завоевать мое искреннее восхищение. Его отличало не только высокое положение в обществе и безупречность манер, но и редкая широта взглядов. Слишком немногие из мужчин, с которыми мне доводилось беседовать, признавали за женщиной право на собственное мнение и самостоятельное место в мире, а не роль покорной тени, призванной лишь подчеркивать значимость супруга.

Винсент же казался человеком иного порядка — словно человеком из времени, где души не были скованы цепями предрассудков. Его уважение к женщинам не ограничивалось вежливостью или галантными жестами, столь привычными для светского общества. Оно выражалось глубже — в признании нашей внутренней ценности, в убежденности, что мы не украшение дома и не средство укрепления мужского авторитета.

Он обладал редким даром видеть людей такими, какими они были на самом деле, а не какими их привыкло представлять общество. В его взгляде не было покровительственного снисхождения. Напротив, я чувствовала в нем уважение к той стойкости и скрытой мудрости, которые женщины, вынужденные существовать в рамках строгих ожиданий, так часто прятали от чужих глаз.

В начале нашего знакомства его слова казались мне почти вызывающими. Они звучали дерзко, иногда даже абсурдно в своей прямоте, словно он осмеливался вслух произносить то, о чем другие предпочитали молчать. Он открыто сомневался в ценности устаревших традиций, которые, по его мнению, не сохраняли порядок, а лишь удерживали человека в узких, удобных обществу рамках.

— Почему женщина, обладая умом и душой, не меньшими, чем у мужчины, должна довольствоваться ролью его спутницы в тени? — однажды сказал он мне. — Почему общество так ревностно охраняет законы, мешающие ей развиваться?

Поначалу я не знала, как реагировать. Его убеждения казались мне слишком резкими, почти наивными в своей вере в возможность перемен. Но со временем я начала понимать: за его словами не скрывался юношеский идеализм. Они рождались из глубокого, болезненного понимания человеческой природы и ее страданий.

Он отвергал устаревшие нормы не только потому, что считал их архаичными, но потому что видел в них источник множества человеческих бед.

— Закон должен быть мостом, а не цепью, — говорил он. — Его задача — помогать двигаться вперед. Когда он удерживает на месте, он утрачивает смысл.

Будучи сыном адвоката, Винсент воспринимал право не как набор правил, а как живой инструмент — способный либо подавлять, либо освобождать. Он изучал законы других стран не из желания подражать, а чтобы понять, где они ошиблись, а где нашли верные решения. Его интерес был вдумчивым, почти болезненно честным.

Со временем его взгляды перестали казаться мне чуждыми. В них была логика, но еще больше — человечность. Винсент не стремился разрушать ради разрушения. Он искал путь созидания, в котором даже самые уязвимые могли бы обрести голос. Его идеи о свободе и справедливости не просто нашли отклик во мне — они постепенно стали частью моего собственного мировосприятия.

Теперь, размышляя о нем, я понимала: больше всего меня восхищала его смелость. Он видел несправедливость — и не отворачивался. Он не боялся идти против течения, даже если это делало его чужим в глазах общества. Возможно, именно это редкое сочетание разума и внутренней отваги сделало его столь особенным для меня.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — мягко произнес Винсент. В его голосе звучала настойчивость, тщательно скрытая под вежливостью. — Могу ли я надеяться на вашу доброту и получить позволение навещать вас?

— Конечно, — ответила я с легкой улыбкой. — Приезжайте в любое удобное время. Ваше общество станет для меня настоящей радостью. Боюсь, мне предстоит провести там немало часов в одиночестве.

— В одиночестве? — переспросил он, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Вы знаете мою бабушку, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Она держит в доме лишь троих слуг: горничную, повара и садовника.

— Понимаю, — отозвался он мягко. — Люди ее возраста часто ищут уединения. Но вам, полагаю, будет непросто привыкнуть к такой тишине.

— Вы правы. — Я невольно понизила голос, будто сама мысль о той пустоте уже давила. — Сейчас вокруг меня столько людей, столько движения... А там — я даже не могу представить, каково мне будет без нее.

Он помолчал, давая моим словам отзвучать.

— Когда вы намерены отправиться?

— В ближайшие дни, — ответила я после короткой паузы.

Он задумался, но не стал торопить.

— А что сказали ваши родные?

— Они пока не знают, — призналась я.

— Леди Готт вряд ли воспримет это спокойно, — заметил он осторожно.

— Именно поэтому я и медлю. — Я вздохнула. — Не знаю, как начать этот разговор.

— Идеального момента не существует, — произнес он тихо. — Но если решитесь, я буду рядом.

— Я ценю это.

— Тогда позвольте мне помочь. — В его голосе появилась теплая, почти ободряющая уверенность. — Леди Готт всегда относилась ко мне благосклонно. Возможно, мои слова окажутся убедительными, и она смягчится, пойдет вам навстречу.

— Это было бы спасением, — сказала я искренне.

— Я сделаю все, что смогу.

Его уверенность принесла мне редкое чувство покоя. Винсент вновь взял на себя часть моих тревог — не как обязанность, а как нечто естественное. И именно в этом тихом, ненавязчивом участии заключалась та сила, что согревала меня даже в самые темные часы.

Лежа в своей комнате, я невольно размышляла о том, как начать разговор с родными о поездке, которую так решительно задумала. Я надеялась, что они воспримут мое желание с пониманием, но что, если я ошибаюсь? Винсент предложил несколько способов, которые могли бы помочь, и даже привел веские доводы, способные затронуть чувства отца и матери. Но будет ли этого достаточно?

Я была единственной и любимой внучкой. Возможно, бабушка и вправду хотела бы, чтобы после ее смерти я пожила в ее доме. Она часто говорила, что оставит мне поместье — место, где сбудутся все мои мечты. Но теперь эти слова звучали иначе: не как обещание, а как завещание, смысл которого мне еще предстояло понять. Я не могла отделаться от мысли, что, возможно, сама придумала это утешение, лишь бы чувствовать себя защищенной перед неизбежным разговором.

Несмотря на ужасное преступление, потрясшее наше семейство, я почему-то не ощущала страха. Вернее, страх был, но не тот, какого следовало ожидать. Меня пугала не сама смерть, не дикий зверь, о котором говорили вокруг. Меня пугала неизвестность, оставшаяся после. Зверь мог быть все еще там, в лесу, и потому следовало соблюдать простые, но необходимые правила: не ходить одной среди деревьев, крепко запирать двери и окна, не выходить из дому после наступления темноты. В этих мыслях было что-то почти успокаивающее — возвращение к порядку, который я могла контролировать.

Сколько бы я ни любила бабушку, я не могла простить ей, что она впустила в свой дом молодого любовника, отвернувшись от семьи. Возможно, не окажись его в ее жизни, наши отношения не стали бы такими холодными; мы не отдалились бы друг от друга, и все могло сложиться иначе. Но случилось то, что случилось. Она порвала с нами, запретила навещать ее. Она защищала его, несмотря на все попытки открыть ей глаза.

Но, может быть, я ошибаюсь? Может быть, она действительно верила в его добрые намерения? И если так — то кем была я, чтобы судить ее? В конце концов, она всегда умела видеть в людях то, чего не замечали другие.

Несмотря ни на что, мне хотелось вернуться туда, где прошло так много счастливых дней. Туда, где я выросла и где хранились воспоминания о прошлом. Независимо от обстоятельств, мне нужно было хотя бы раз вновь побывать там, чтобы попытаться вернуть себе тот мир, который уже ушел.

Ужин, на котором мы должны были обсудить мои планы, приближался. Вместо того чтобы сосредоточиться на подготовке, я прокручивала в голове слова и доводы, которые, возможно, помогут убедить родных в моем решении. Я знала, что все будет непросто, но готова была постараться. Мое решение, пусть и трудное, имело значение, и я должна была это объяснить.

За столом повисло тяжелое молчание. Лишь звуки столовых приборов и приглушенный шелест разливаемого вина нарушали тишину. Отец и мать не отказывали себе в этом вечере: их бокалы наполнились крепким домашним вином, которое отцу подарил старый товарищ. Тот был виноделом и не раз приносил лучшие напитки из собственного погреба, чтобы услышать похвалы. Отец неизменно благодарил его с искренним восхищением, и винодел, довольный, приносил все новые бутылки, словно стремясь доказать свою щедрость и талант.

— Я сегодня получила письмо, — начала Мэри, аккуратно вытирая уголки губ.

— От кого? — спросил Филип, не сводя глаз с ее рук.

— От нотариуса, — ответила она, не поднимая взгляда. — Он сообщил, что, если мы передумаем и решим продать дом, у него есть несколько заинтересованных покупателей, готовых выкупить поместье. Конечно, цена будет немного снижена, но это щедрые предложения, и вряд ли кто-то предложит больше.

— Мэри, — голос Филипа стал тверже, с легким оттенком сарказма, — я думал, мы все уже обсудили и пришли к решению, что дом останется в нашей семье.

— А что ты будешь с ним делать? Эта недвижимость нам нигде не пригодится, — в ее тоне сквозило едва скрытое раздражение.

— Мне нужно повторить? Там жила моя мать, и я не собираюсь продавать ее дом.

— Но нам... — Мать хотела добавить что-то еще, но отец перебил ее, и в голосе его зазвучала сталь.

— По завещанию дом принадлежит мне, и только я решаю, что с ним делать. Я не советую тебе даже пытаться переубедить меня. И лезть в наши финансовые дела я тебе запрещаю, особенно когда речь идет о недвижимости, которая тебе не принадлежит.

На последних словах он ударил кулаком по столу, заставив чашки подскочить. Я редко видела отца в гневе. Но когда дело касалось ссор с матерью, его ярость порой вырывалась наружу, словно неизбежное продолжение их разногласий. Они часто не могли сойтись в вопросах денег и собственности. Иногда он уступал, и тогда мать с победоносной улыбкой спешила осуществить задуманное, пока он не передумал.

— Не повышай на меня голос, я прекрасно тебя слышу, — холодно произнесла Мэри, делая глоток из бокала, едва скрывая циничную усмешку.

— Не лезь туда, куда не просят, и не услышишь подобного в свой адрес, — ответил Филип; лицо его оставалось каменным.

— Это семейный вопрос, — сказала она, и в голосе ее уже звучала издевка.

— Это исключительно мой вопрос, — произнес он с усиливающейся решимостью. — Моя мать, мой дом и мой вопрос, к которому ты не имеешь никакого отношения.

Я тихо наблюдала за этой сценой, ощущая, как все вокруг становится холодным и напряженным. В детстве я часто мечтала, чтобы мой муж был похож на отца. Мне казалось, что его сила воли и решительность — то, что нужно в жизни. Но теперь, сравнивая его с Винсентом, я понимала, как сильно ошибалась. Винсент придерживался иных взглядов, особенно когда дело касалось семьи. Для него брак был не просто союзом двух людей, но совместным путем, где каждый имел право на собственное мнение. И в этом, возможно, мне повезет больше, чем матери.

— Отец, — вмешалась я, стараясь нарушить спор, — мне хотелось бы поговорить о поместье бабушки.

— О, действительно? — его голос наполнился едва сдерживаемым сарказмом. — И о чем же ты намерена беседовать, дорогая? О том, как выгодно его продать? Или, может быть, разрушить и возвести на этом месте приют для бедных животных?

— Нет, — ответила я спокойно. — Я бы предпочла провести лето в этом доме.

— Это невозможно! — почти сорвалась мать. — Вы оба в здравом уме?

— Мама, — начала я, но она тут же прервала меня.

— Даже не думай! Ты лишена всякой рассудительности!

— Мэри, — сказал отец, пытаясь вернуть разговор в уравновешенное русло, — прошу тебя, давай обойдемся без лишних эмоций.

— Что?! — вскрикнула мать. — Один настаивает оставить дом летней резиденцией, другая намеревается отправиться туда на целое лето! А вас не тревожит, что там совершено убийство? Тело зверски изуродовано!

Мэри резко отодвинула тарелку, и я заметила, как дрожат ее пальцы, когда она сжала край стола.

— Я не хочу хоронить еще одного члена семьи в этом проклятом доме, Филип.

— Эдлин, — мягко начал отец, — объясни, почему ты желаешь провести там лето. Я был уверен, что ты будешь занята подготовкой к свадьбе. Вы с Винсентом ведь собирались уехать, не так ли?

— Да, — ответила я, чувствуя, как тяжесть сжимает грудь. — Однако я решила провести это лето в месте, которое было частью моего детства. У меня много приятных воспоминаний, связанных с этим поместьем, и я не могу покинуть страну, не зная, когда смогу вновь побывать там.

— Мне приятно, что ты так отзываешься о поместье, но я не могу не согласиться с Мэри: там сейчас опасно. К тому же не думаю, что Винсент одобрит твою идею.

— Он поддержал меня.

— Так, значит, Винсент в курсе, куда ты намерена поехать на все лето? — голос отца стал настороженным.

— Да. И он не возражает. Наоборот, считает, что это принесет мне пользу. После столь долгого времени без общения с бабушкой, поддерживаемого лишь письмами, я почувствовала, что должна провести там это лето. Хотя бы в последний раз.

— Филип, — произнесла Мэри с тревогой, — мне это не нравится.

— Нам предстоит это обдумать, — сказал отец, словно утомленный. — Но, возможно, ты права.

— Конечно, — ответила я тихо, опуская взгляд. — Я размышляла над этим. Когда уеду, возможно, больше не вернусь. Ты знаешь, как сильно я привязана к бабушке.

Отец молчал, его взгляд словно пытался проникнуть в глубину моего сердца, отыскать причины моих поступков. Он знал, что я обижена на бабушку за ее выбор, за то, что она предпочла этого молодого человека. Но, быть может, он понимал, почему я так поступаю. Он знал, как важно для меня побывать в ее доме, в этом священном для меня месте, где прошло детство. Это могло стать последним прощанием с тем временем.

Он молчал долго, подбирая слова. Время растягивалось, становилось тяжелым и бесконечным.

— Филип, — произнесла Мэри почти невнятно, — не надо. Она не должна туда ехать.

Слова матери утратили силу. Она понимала, что просьба напрасна. Все уже было решено, и мне казалось, что мы не узнаем настоящих мыслей отца.

— Хорошо. Пусть будет так, — сказал он наконец.

— Нет! — выкрикнула Мэри, вставая из-за стола. Лицо ее исказилось изумлением и отчаянием. — Ты безумец?!

— Я принял решение, — холодно ответил отец, направляясь к двери, — и оно не подлежит обсуждению.

Мать осталась сидеть. В ее взгляде было то странное чувство, когда человек осознает, что силы исчерпаны и ничто не изменит ход событий. Ее взгляд встретился с моим, и в его глубине я прочла немое отчаяние.

— Эдлин, — голос ее дрожал, как у ребенка, — ты не можешь быть серьезной! Ты ведь шутишь?

Я тихо ответила, чувствуя, как меня охватывает боль от этих слов.

— Мама, я действительно хочу этого. Ты знаешь, как я люблю это место. Оно связано с моими воспоминаниями, с теми днями, что я провела там. Я не могу уехать, не попрощавшись.

Мать застыла, не в силах найти слов. Она прикусила губу, и в ее глазах скользнуло беспомощное отчаяние.

Я смотрела на закрывшуюся дверь, и в груди разрасталась пустота. Только здесь, в этой тишине, я могла признаться себе: я сбегаю. Не от дома. От них. От той жизни, которую они для меня выстроили.

Время двигалось медленно, и я терзала себя вопросами, как все сложится. Чем дольше я думала о своем решении, тем сильнее оно вызывало во мне сомнение — хотя еще недавно казалось единственно верным.

Глава 2

Этот дом я всегда любила зимой. Когда снег укрывал сад белым саваном, а в камине потрескивали дрова, мне казалось, что мир замирает, даруя передышку. Но теперь, глядя на увядший сад и заколоченные окна, я понимала: зима пришла в мою душу и не собиралась уходить.

Тягостное чувство, что я не на своем месте в этом мире, не отпускало. Все вокруг казалось чуждым, словно я была лишь наблюдателем в чужой жизни. Особенно остро это ощущение усиливалось в те моменты, когда перемены входили в мою жизнь, а я не находила сил встретить их лицом к лицу.

Именно таким испытанием стал переезд. Выйти замуж — шаг почти неизбежный для девушки моего возраста, но покинуть родные края... Это было нечто иное, пугающее своей окончательностью. Слишком долго взвешивались все «за» и «против», слишком долго я боялась ответственности, которую несет за собой каждое изменение.

Мои терзания не остались незамеченными Винсентом. С присущей ему чуткостью он заметил мое беспокойство и терпеливо объяснил все преимущества того, что меня ждет. Он говорил о новых горизонтах, о шансе начать все с чистого листа. И хотя полностью избавиться от сомнений я не могла, его слова проникли в мое сердце. С каждым его доводом страхи отступали, как туман, рассеивающийся с первым светом.

Решение вернуться в родное место в последний раз зрело во мне постепенно. Мечталось снова оказаться там, где все оставалось неизменным, где не было места переменам. Верилось, что в доме бабушки, среди вещей и воспоминаний, я обрету утешение и смогу попрощаться с прошлым.

Когда карета остановилась у знакомых ворот, сердце мое забилось чаще. Я дождалась, пока старый кучер Фирир откроет дверцу, и осторожно ступила на каменную плитку. Земля под ногами словно покачивалась, будто сама природа сопротивлялась моему возвращению.

Мой взгляд поднялся к поместью. То, что я увидела, заставило меня замереть.

Я ожидала встретить место, наполненное уютом и теплотой, окруженное запахом свежескошенной травы и пением птиц. Но реальность оказалась иной. Фонтаны, некогда радовавшие глаз, теперь были сломаны и искорежены. Цветы на клумбах засохли. Вокруг стояли искаленные деревья.

Все вокруг казалось чужим — будто буря прошла по этому месту, не оставив и следа былой гармонии. Ступая по усыпанной камнями дорожке, я чувствовала, как в груди сжимается тревога.

— Что здесь произошло? — вырвалось у меня шепотом.

Я смотрела на трехэтажное здание с большими окнами. Когда-то оно казалось мне неприступным укрытием от внешнего мира. Теперь же выглядело осиротевшим, будто утратило душу.

Позади раздалось шуршание: Фирир вытаскивал чемоданы из кареты. Я обернулась.

— Фирир, — позвала я. — Вы останетесь на ночь или вернетесь в город?

Старик выпрямился, разминая спину.

— Вернусь в город, но сначала помогу с вещами, — ответил он.

Я кивнула. Отчего-то от его слов стало немного спокойнее.

Но, не успев сделать шаг в сторону ворот, я заметила движение в лесу.

Сумерки сгущались над лесом, и в этом умирающем свете я различила у кромки деревьев женскую фигуру. Она стояла неподвижно, словно выросла из сырой земли. Грязно-серое платье бесформенно висело на ней, рваный подол волочился по траве, пропитанный влагой и

чем-то бурым, похожим на старую кровь. Длинные спутанные волосы падали на лицо. Когда она медленно подняла голову, я увидела: кожа была бледна до синевы, как у утопленницы.

Она была босая. Грязные, израненные ступни касались травы — и не оставляли на ней следов.

Я хотела отвернуться, но тело не слушалось. Она сделала шаг вперед — беззвучно, словно не касаясь земли. Ее глаза нашли мои.

Она улыбнулась. Медленно, будто вспоминая, как это делается. Губы разошлись в стороны, обнажив десны и редкие желтые зубы, покрытые темным налетом. Между зубами застряли комья земли и обрывки перегнивших травинок. Из уголка рта, по подбородку, потянулась густая темная слюна, оставляя на коже влажный след. Шея была искривлена, будто сломанная когда-то и сросшаяся неправильно. Сбоку, чуть ниже уха, темнел след от укуса — не звериный, не человеческий. Две глубокие рваные ямки с рваными, загноившимися краями, вокруг которых кожа потемнела до бурого, натянулась и запала, обтягивая позвонки. Из раны, загустев, выступила темная сукровица, и по шее тянулась багровая сетка вздувшихся вен.

Она подняла руку. Движение было неровным, с задержкой в локте, словно сустав не гнулся до конца. Пальцы — длинные, тонкие, с обломанными ногтями — слегка дернулись и замерли. Потом указательный отделился от остальных и медленно, с усилием, согнулся. Раз. Второй. Она манила меня.

Сердце ударило в горле. По спине прошел озноб, липкий, как чужая ладонь. Ноги стали ватными, земля под ними качнулась, и на мгновение я перестала чувствовать собственное тело.

— Идемте! — раздался голос Фирира.

Звук прорвал оцепенение. Я поспешно отвернулась и пошла к дому, но ноги слушались плохо — каждый шаг давался с усилием, будто по щиколотку в холодной воде. Спину жгло, и я знала, что она смотрит. Знала так же ясно, как чувствовала каменную крошку под подошвами.

Я не оборачивалась. Боялась, что если поверну голову, она окажется ближе — на дорожке, у фонтана, за спиной. Боялась, что увижу, как она стоит уже у самого крыльца, все с той же улыбкой, и смотрит на меня, не моргая. Поэтому я шла вперед, не замедляясь и не ускоряясь, считая шаги, чтобы не сорваться на бег. Потому что если бы я побежала, мне бы почудилось, что за спиной бегут тоже.

Ключ, переданный отцом, никак не хотел проворачиваться — пальцы дрожали, и я с трудом справилась с замком. Наконец дверь поддалась, и мы вошли в просторный коридор. С левой стороны, едва завидев нас, стремительно выбежала хрупкая светловолосая девушка.

— Добро пожаловать, мисс! — произнесла она с легкой одышкой, словно бежала через весь дом, заслышав стук колес по гравию. — Мы вас ждали.

— Как видите, я здесь, — ответила я, невольно окидывая ее взглядом с головы до ног, и в этом осмотре не было ни тепла, ни снисхождения — лишь холодное любопытство, рожденное усталостью после долгой дороги. — А где Эмма?

Я сразу вспомнила высокую, пухленькую темноволосую женщину с приятной наружностью и мягким певчим голосом. В памяти всплыли вечера, когда она рассказывала сказки и пела колыбельные, пока бабушка была занята. Она была очень милой и добродушной, и всю дорогу мне не терпелось встретиться с ней.

— Она уволилась в прошлом году, — девушка опустила взгляд, и в жесте этом было что-то до боли знакомое: та самая приниженность, с какой прислуга сообщает дурные вести. — Вместо нее теперь я. Меня зовут Ханна Мортон.

Имя ее повисло в воздухе, а я стояла, не в силах произнести ни слова, потому что внутри меня медленно, как яд, растекалась горечь. В последнее время бабушка перестала чем-либо делиться со мной. Наши письма, некогда полные новостей, рассуждений, мелких домашних секретов, — все чаще утрачивали прежнюю живость. Они превратились в обмен обязательными фразами, холодными и выверенными, как строчки из светской хроники. Ни слова о здо-

ровье, ни слова о доме, ни единого упоминания о том, что Эмма, прослужившая у нее столько лет, покинула эти стены.

И вот теперь я стояла на пороге, глядя в чужое лицо, и понимала: бабушка не поделилась со мной даже тем, что уже как год рядом с ней живет другая служанка. Эта мысль ударила меня сильнее, чем любой упрек, — потому что молчание было не столько упущением, сколько занавесом, которым она отгородилась от меня задолго до своей гибели.

Я осмотрела коридор. Пыль покрывала картины на стенах и поверхности мебели. Цветы на подоконниках засохли. Запущенный вид девушки вполне соответствовал этому беспорядку.

— Вы знаете причину увольнения? — спросила я.

— К сожалению, нет, — девушка грустно покачала головой.

— Вот как, — произнесла я, не скрывая легкой досады. — В доме так тихо. Где все остальные?

— Наш повар Том немного приболел, поэтому решил не показываться, чтобы не заразить вас своей простудой. А садовник в деревне — у него там матушка больная, по вечерам он уходит к ней.

— Куда отнести? — поинтересовался Фирир, вмешиваясь в разговор.

— По коридору направо, есть гостевая комната, — начала Ханна, но я перебила ее.

— Второй этаж, вторая дверь справа.

Девушка взглянула на меня с явным недоумением. Фирир молча направился к лестнице.

— Комнаты на втором этаже... — снова заговорила Ханна.

— Комнаты на втором этаже принадлежат хозяйке дома, — твердо произнесла я. — А поскольку я ее внучка, то и располагаться буду там.

Я поспешила подняться по лестнице. Моя комната находилась рядом со спальней бабушки — когда-то это было сделано для того, чтобы я могла прийти к ней в случае нужды. Особенно в те долгие ночи, когда я боялась грозы.

Злость накрыла меня с головой. Обычно я никогда не грубила прислуге, но отчего-то ее тон, ее попытка распоряжаться в доме, куда я вернулась после долгой разлуки, пробудили во мне странное раздражение. Я злилась не столько на нее, сколько на сам этот дом, на запустение, на то, что все здесь стало чужим. И Ханна, сама того не зная, попала под эту горячую, несправедливую волну.

У двери меня уже ждал Фирир. Он стоял чуть в стороне, опустив голову, и терпеливо держал мой чемодан. Завидев меня, он отступил на шаг, покорно пропуская вперед, но переступать порог первым не стал — ждал, пока это сделаю я.

Подойдя к дверям, я замедлила шаг. Что-то невидимое, казалось, мешало мне переступить порог. Этот шаг представлялся мне переходом в иной мир — мир, скрытый от посторонних глаз.

Набравшись решимости, я глубоко вдохнула и толкнула массивную дверь. Тяжелая створка поддалась неохотно, издав долгий, протяжный скрип. Закрыв глаза, я шагнула в прохладный полумрак.

Когда я открыла глаза, меня окутало странное ощущение: казалось, я вступила в мир, где время утратило свою власть. Высокие кресла, обтянутые бархатом винного оттенка, стояли у окон. Каменные подоконники были покрыты тонкой паутиной, на них покоились давно увядшие лепестки роз. В углу, рядом с массивным камином, стоял письменный стол из красного дерева, его поверхность покрывала сеть мелких трещин. Легкое движение воздуха принесло запах старины, смешанный с едва уловимыми нотами лаванды. Каждый предмет казался свидетелем множества историй, давно унесенных временем. Даже бархатные шторы хранили в своих складках тишину, столь глубокую, что она отзывалась в ушах звенящей пустотой. Однако этот интерьер был лишен жизни. Пыль покрывала каждую поверхность. Воздух стал густым,

тяжелым. Ковер утратил прежнее очарование: цвета поблекли, узоры превратились в смутные тени прошлого.

— Куда прикажете поставить чемодан, мисс? — негромко спросил Фирир, переступив порог следом за мной.

— Поставьте на кровать, — ответила я, не оборачиваясь.

Чемодан с глухим стуком опустился на покрывало. Фирир отступил к двери, и я услышала, как за его спиной мягко скрипнула створка. Пальцы пробежали по замкам — раз, другой, и крышка с щелчком откинулась, открывая взгляду аккуратно сложенные платья, которые горничная упаковала перед отъездом. Выпрямившись, я потянулась, чувствуя, как каждый мускул ноет после долгой дороги. Пыль осела на коже, волосы спутались от ветра, и отчаянно хотелось смыть с себя эту липкую усталость. В памяти всплыл образ бабушки: как она всегда встречала меня с чашкой горячего чая, как велела старой горничной приготовить ванну. Теплая вода, пар, поднимающийся над поверхностью, тепло, разливающееся по телу, смывающее напряжение долгого пути... Хотелось закрыть глаза и хотя бы на мгновение забыть, что бабушки больше нет, что дом опустел, а впереди — лишь холод и одиночество.

Я вышла из комнаты в коридор. В дальнем его конце, у лестницы, Ханна возилась с тряпкой, стоя ко мне спиной. Я окликнула ее:

— Ханна!

Девушка вздрогнула и обернулась, смущенно пряча руки за спину.

— Да, мисс?

— Подготовьте мне ванну, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и властно, без намека на ту тоску, что сжимала грудь. — Я хочу освежиться после дороги. Вода должна быть горячей. И поторопитесь.

Ханна кивнула, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Сейчас, мисс, — ответила она и поспешно направилась вниз, к кухне.

Я проводила ее взглядом, затем вернулась в комнату и опустилась на край кровати. Теплая вода... Как же я мечтала о ней. Всю дорогу, трясясь в карете по разбитым проселкам, я думала только о том, чтобы смыть с себя эту усталость и погрузиться в горячую воду, забывшись хотя бы на час.

Пока Ханна возилась на первом этаже, я принялась разбирать вещи. Платья, шали, нижнее белье — я перекладывала их из чемодана в шкаф, стараясь не смотреть на старые игрушки и книги, что когда-то принадлежали мне. С каждой вещью в памяти всплывали картины прошлого: как я сидела на этом ковре, читая бабушкины сказки; как бегала по коридорам, смеясь; как бабушка укрывала меня одеялом, когда я засыпала у камина.

Через некоторое время в дверь постучали.

— Мисс, вода готова, — послышался голос Ханны.

— Благодарю, — ответила я, поднимаясь.

Захватив большое махровое полотенце, я спустилась на первый этаж, где находилась ванная комната. Она оказалась небольшой, с каменным полом и тяжелой дубовой дверью. Ханна уже подготовила воду — она была теплой, и пар поднимался над поверхностью, наполняя комнату влажным, успокаивающим теплом. Я закрыла дверь на засов, сбросила дорожное платье и с наслаждением погрузилась в воду.

Я откинулась на край ванны, закрыла глаза и позволила теплу разливаться по телу, смывая усталость долгой дороги. Пахло лавандой и солью. Но вода быстро остывала, и вскоре я почувствовала, как холод начинает пробираться до костей. Я поспешила закончить, вытерлась и завернулась в большое махровое полотенце, обернув его вокруг тела и закрепив концы у груди.

Только тогда я поняла, что совершила глупость. В спешке, думая о теплой воде, я захватила только полотенце и совершенно забыла о ночной рубашке — она так и осталась лежать на кровати на втором этаже. Я колебалась всего мгновение. В доме, кроме Ханны и больного

повара, никого не было. Фирир, должно быть, уже уехал в город. Дорога до спальни занимала минуту.

Я приоткрыла тяжелую дубовую дверь и выглянула в коридор. Там было пусто. Я бесшумно ступила на холодный каменный пол, плотнее запахивая полотенце, и быстро направилась к лестнице. Влажные волосы холодными прядями касались плеч, по коже бежали мурашки. Я молилась, чтобы никто не вышел мне навстречу.

Но, не успев сделать и нескольких шагов, я услышала звук. Сначала — глухой стук входной двери, а после шаги. Твердые, уверенные. Они доносились из коридора, ведущего в глубину дома. Я замерла. Сердце забилося где-то в горле. Кто-то приближался. И это был не Фирир — его медленную, тяжелую походку я бы узнала сразу.

— Ханна, я дома! — послышался незнакомый мужской голос. — Мне срочно нужно принять ванну. Можешь не утруждаться, в этот раз справлюсь сам!

Я прижалась спиной к стене, чувствуя, как холод камня проникает сквозь тонкую ткань полотенца. Шаги становились громче. Я смотрела, как дверная ручка в конце коридора медленно поворачивается.

Дверь распахнулась.

В дверном проеме возник мужчина. Статный, хорошо сложенный. Рыжие волосы падали на плечи в легком беспорядке. Кожа была бледной. Шрам пересекал левый глаз. Зеленые глаза смотрели на меня с легким удивлением. На нем был темный дорожный сюртук, слегка расстегнутый у ворота, и белая рубашка, уже успевшая помяться в дороге. Высокие сапоги были покрыты пылью, а на плече висела потертая кожаная сумка — он явно только что вернулся и даже не успел снять ее.

— Какое удивительное зрелище, — произнес он, и в голосе его послышалась легкая ирония. — Новая служанка?

Он склонил голову набок, и в его глазах мелькнула искра — не насмешка, нет, скорее любопытство. От этого взгляда мне стало не по себе.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Стоять перед посторонним мужчиной в одном полотенце, с мокрыми волосами, было немыслимо, постыдно — непозволительно для девушки моего положения. Я вжалась спиной в стену, инстинктивно пытаюсь закрыться, и крепче сжала край полотенца, хотя понимала, что это не поможет. Холодный каменный пол под ногами, казалось, забирал последнее тепло, и я молилась лишь о том, чтобы он не заметил, как сильно я дрожу.

— Я хозяйка этого дома, — резко ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но он все равно предательски дрогнул.

Он поднял бровь, и его губы изогнулись в усмешке — удивленной, почти смущенной. Будто он не ожидал услышать именно это.

— Хозяйка? — он отступил на шаг, но глаз не отвел. — Элеонора, ты подозрительно помолодела. Или она сдала вам дом на время?

Страх постепенно отступал, уступая место иному, не менее мучительному чувству. Теперь, когда я смогла взглянуть в его лицо, в этот шрам, в эти зеленые глаза, я поняла, что знаю этого человека. Просто не узнала сразу. Молодой любовник бабушки. Итан Вальмер. От осознания этого стало еще хуже: стоять перед ним в таком виде было вдвойне унижительно. Я почувствовала, как внутри все сжалось. Воздух в коридоре стал тяжелым, и слова застревали в горле.

— Ее нет.

Он нахмурился.

— Что значит «нет»? Она уехала?

— Она умерла, — сказала я. Слова вышли тихими, но в тишине коридора прозвучали слишком громко. — Неделию назад.

Он замер. Усмешка сползла с его лица, оставив после себя растерянность, почти детскую.

— Что? — переспросил он, и голос его дрогнул.

— Элеонора мертва. Ее убили.

— Неделю назад? — он отступил на шаг, будто мои слова ударили его в грудь.

— Похороны уже прошли.

Итан медленно опустил руку, которой до этого держал сумку. Ремень выскользнул из пальцев, и сумка глухо упала на пол, но он даже не взглянул на нее. Он стоял, не двигаясь, только смотрел сквозь меня, и в глазах его гасло что-то, чему я не знала названия.

— Я не знал, — проговорил он хрипло. — Я уезжал за город. Думал, что вернусь — и она будет здесь. Думал, что мы снова сядем за книги и... — он осекся, провел ладонью по лицу, задержал ее на губах, будто боялся сказать лишнее.

Он замолчал. Стоял, опустив голову, и дышал тяжело, с трудом, как человек, которому внезапно не хватает воздуха. Я видела, как дрогнули его пальцы, как он сжал их в кулак и тут же разжал, не зная, куда деть руки.

— Вы не виноваты, — сказала я, хотя не была уверена, что имею право его утешать.

— Вы не понимаете, — он вскинул на меня взгляд, и в нем была не злость — боль, острая, почти нестерпимая. — Я знал, что ей опасно оставаться здесь. Знал. И все равно уехал.

Он провел ладонью по волосам, сцепил пальцы на затылке, отвернулся к стене. Я слышала его дыхание — неровное, с хрипотцой. Мне хотелось что-то сказать, но слова застревали в горле, потому что я сама едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Как это случилось? — спросил он, не поворачиваясь.

— Ее нашли в лесу. Следы нападения. Полиция сказала, что звери.

Он резко обернулся.

— Звери? — в голосе его прорезалась горечь.

Он смотрел на меня, и я видела, как в нем борются горе и что-то иное — знание, которое он не решался высказать. Потом он медленно наклонился, поднял сумку, прижал ее к боку.

— Простите, — сказал он уже тише. — Простите, что так вышло. Я не знал.

Он замолчал. Стоял, опустив голову, и молчание его было тяжелым, как камень. Я не знала, что сказать. Просто стояла и смотрела, как этот человек, еще минуту назад уверенный и насмешливый, пытается удержать себя на ногах.

— Итан Вальмер, — наконец произнес он, не поднимая глаз. — Я должен был вернуться раньше.

— Вы не могли знать.

— Я должен был, — повторил он глухо, и в голосе его не было ни упрека, ни злости — только усталость и пустота. — Она осталась одна. А меня не было рядом.

Он снова провел рукой по лицу, будто пытался стереть с себя это известие. Потом поднял взгляд — и я увидела, что в его глазах стояла та сухая, злая скорбь, которую человек не выпускает наружу слезами. Он смотрел на меня, но почти не видел.

— Простите, — сказал он хрипло. — Я не должен был вот так врываться. Я не знал.

— Вы не напугали меня. Застали врасплох, только и всего.

Он кивнул. Движение вышло неровным, неосознанным. Затем он поднял сумку с пола — медленно, как человек, которому вдруг стало тяжело даже дышать.

— Где ее похоронили? — спросил он, не глядя на меня.

— Рядом с дедушкой. На старом кладбище.

Итан снова кивнул.

— Она не верила в зверей. Она знала, что это не они, — проговорил он тихо. — И я знаю.

Он перевел на меня взгляд, и впервые за все время в его глазах мелькнуло что-то живое, острое — не боль, а решимость.

— Вам нельзя здесь оставаться одной.

Я плотнее сжала полотенце.

— Я не одна. Здесь прислуга.

— Прислуга не защитит вас от того, что бродит у этих стен, — сказал он. — Ваша бабушка знала. И я знаю. Поэтому и вернулся.

Он провел ладонью по лицу, поднял сумку, но не сдвинулся с места — стоял, будто не мог заставить себя уйти. Я молчала. Мне вдруг стало холодно, и этот холод шел не от каменного пола, а от его слов.

— Что ж, — он поднял на меня глаза. — Я заберу вещи и уеду. И вам советую тоже.

— Я остаюсь, — ответила я.

Он посмотрел на меня внимательно, но ничего не сказал.

— Это дом моей бабушки, — добавила я тише. — Я не уеду.

Он наклонился, чтобы поднять сумку, и я заметила, как его движения стали медленнее, будто он вдруг почувствовал тяжесть всего, что произошло.

Он сделал шаг в сторону, но затем остановился и обернулся. Его взгляд стал мягче.

— Знаете, — сказал он с легкой усмешкой, — Элеонора много о вас рассказывала. Я думал, вы другая. Но вы... — он запнулся на мгновение, словно подбирая слова, — вы именно такая, как она говорила.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Но не могла понять, отчего — от его слов или от усталости, навалившейся после всего случившегося.

— Что вы имеете в виду?

Он чуть заметно улыбнулся — почти застенчиво, и в этой улыбке не было ни насмешки, ни игры.

— Ничего. Просто... приятно познакомиться, мисс Готт.

Он развернулся и направился вглубь коридора, оставляя меня стоять в полумраке, прижавшись спиной к холодной стене. Только тогда я осознала, что все это время почти не дышала.

Стоило мне выйти в коридор и сделать несколько шагов в сторону лестницы, как внезапно резкий холод пробежал по моей спине. Новые шаги — только теперь где-то вдалеке. А затем знакомый тихий голос раздался позади меня:

— Эдлин...

Сердце пропустило удар. Я медленно, словно в дурном сне, повернулась к небольшому окну, и крик вырвался из моей груди раньше, чем я успела осознать это.

Там стоял Винсент. Он смотрел на меня.

Он был неподвижен, его фигура окутана мраком. Свет луны падал на его лицо, делая его бледным, почти призрачным. Глаза смотрели пустым, холодным взглядом. Не было в них ни тревоги, ни сочувствия, ни той теплоты, которую я привыкла видеть. Только тишина. Глубокая, ледяная тишина, которая смотрела на меня сквозь него.

— Открой окно... — прошептал он. Голос звучал мягко, почти ласково, но в нем слышалась настойчивость. — Впусти меня, Эдлин.

Я не сразу поняла, чего он хочет. А потом увидела, как он стоит за стеклом — совсем рядом, только руку протяни. Ноги сами сделали шаг вперед. Я не решалась. Но он смотрел на меня, и в этом взгляде было что-то, от чего хотелось подчиниться.

Итан появился бесшумно. Он схватил меня за плечи, рывком оттащил от окна, и я вскрикнула.

— Что ты делаешь?! — я пыталась вырваться, но он держал крепко. — Отпусти! Это Винсент!

— Это не он, — сказал Итан, не ослабляя хватки.

— Ты сошел с ума! Я вижу его!

— Эдлин, — голос за окном дрогнул. — Не слушай его. Открой. Я просто хочу поговорить.

Я рванулась в сторону окна, но Итан прижал меня к стене.

— Не смотри на него, — сказал он. — Смотри на меня. Ты знаешь, что он не мог оказаться здесь среди ночи. Ты знаешь.

Я замерла. Слова резанули, потому что в них была правда. Винсент был в городе. Он не мог приехать без предупреждения. И все же он стоял за стеклом — бледный, усталый, слишком спокойный для человека, который видит, как его невесту силой удерживают в коридоре.

— Эдлин! — голос снаружи стал резче. — Открой! Немедленно!

— Не смей, — Итан дернул меня в сторону ванной. — Ты не должна его впускать.

Я упиралась, цеплялась за дверной косяк, но он втоптал меня внутрь, захлопнул дверь и запер. Стало тихо. Только мое дыхание и стук сердца.

Я стояла, прижимаясь к стене, и смотрела на него. В голове не укладывалось. Винсент. За окном. И Итан, который вел себя так, будто защищал меня от смерти.

— Кто... кто это был? — спросила я шепотом.

Итан не ответил. Он стоял у двери, прислушиваясь. Потом медленно выдохнул и провел ладонью по лицу.

— Скажи мне, — потребовала я.

— Это не он, — повторил он. — Ты видела не его. Это лишь существо приняло его облик.

— Какое существо?

Он поднял на меня взгляд.

— То, что убило твою бабушку.

Я все еще дрожала, когда Итан, закрыв за нами дверь ванной, тяжело выдохнул и прислонился спиной к стене. Его лицо было бледным, а глаза — слишком яркими для человека, который только что пережил нечто пугающее. Я стояла, прижимаясь к холодному кафелю, и пыталась унять дрожь в коленях. Тишина в маленькой комнате казалась гулкой, почти осязаемой.

— Благодарю вас, — произнес он неожиданно, и в его голосе послышалась усталая ирония.

— За что? — отозвалась я, чувствуя, как слова застревают в горле.

— За то, что не впустили его. И за то, что не упали в обморок.

— Мне казалось, я была на грани, — призналась я, с трудом удерживая дыхание.

— Вы скрываете это с удивительным изяществом, — он провел рукой по лицу и, на мгновение прикрыв глаза, заговорил снова, теперь тише и серьезнее: — Тот, кого вы видели за окном — это не мистер Грейвуд. Во всяком случае, не тот мистер Грейвуд, которого вы знаете.

— Тогда кто?

— Таких существ мы называем Тенеликами, — сказал он, и голос его дрогнул. — Они копируют внешность. Голос. Даже привычки. Но у них нет души. Поэтому в их глазах — пустота. Вы видели это сегодня.

Я попыталась осмыслить его слова, но сознание отказывалось принимать их.

— Как они узнают, как выглядит человек? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Они не знают, — он пристально посмотрел на меня. — Знаете вы. Ваш разум сам достраивает образ. Вы смотрите на безликое существо — и видите того, кого помните.

— Я не понимаю...

— Представьте, что вы смотрите в окно и видите свою мать, которая уже много лет как мертва, — сказал он, и в его голосе послышалась горечь. — Вы бы открыли окно? Впустили бы ее? Они играют на этой слабости. Они знают, что наши воспоминания — наше проклятие.

Я почувствовала, как холодок пробегает по спине. Его слова звучали слишком нелепо, чтобы быть правдой, и слишком убедительно, чтобы быть ложью.

— И поэтому окна заколочены? И песок на подоконниках?

— Это защита, — он коротко кивнул. — Миссис Готт и я искали способ защитить дом. Это было ее главное условие: чтобы никто не пострадал. Поэтому она разорвала с вами контакт. Чтобы вы не стали мишенью.

Я сжала губы, чувствуя, как внутри поднимается смесь гнева и боли.

— Она могла сказать мне правду, — выдохнула я. — Вместо того чтобы молчать годы...

— Чтобы вы думали, что она безумна? Чтобы вы боялись за нее каждую ночь? — он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Она защищала вас единственным способом, который знала.

Я не знала, что ответить. Внутри все сжималось от осознания того, сколько лет я злилась на бабушку, считая ее предавшей нас. А она просто пыталась спасти меня от тьмы, которую видела каждый день.

Итан молчал, давая мне время осознать его слова. Ванная комната была тесной, и я чувствовала его дыхание, слышала, как он дышит — тяжело, устало. Только сейчас я заметила, что его руки слегка дрожат.

— Вы тоже их видите? — спросила я тихо.

— Да, — он поднял на меня глаза. — Но мой разум, в отличие от вашего, не подстраивает их образы под знакомые лица. Я вижу их такими, какие они есть.

Он ненадолго замолчал, затем провел рукой по мокрым волосам.

— Мы с миссис Готт долго искали объяснение. Изучали старые книги, заметки, дневники людей, которые сталкивались с подобным. Именно так мы нашли название — Тенелики. В одном из древних манускриптов.

— Какие-то из этих книг здесь, в доме?

— В кабинете вашей бабушки, — он слегка улыбнулся. — Она хранила их в тайне ото всех.

Я вспомнила кабинет, который бабушка всегда запирала. Вспомнила ссору между ней и отцом из-за ключа. Тогда я не понимала, что за этим стояло. Теперь все вставало на свои места.

— Покажите мне, — попросила я. — Эти книги. Записи.

Он пристально посмотрел на меня, словно взвешивая что-то.

— Вы уверены? — спросил он.

— Да, — ответила я. — Дальше будет только хуже, если я ничего не буду знать.

Он медленно кивнул и, оттолкнувшись от стены, направился к лестнице.

— Идемте. Только сначала наденьте что-нибудь.

Я покраснела, внезапно вспомнив, что стою перед ним в одном полотенце.

Мы поднялись на второй этаж. Итан шел впереди и ни разу не обернулся, но время от времени спрашивал, как я себя чувствую. Я отвечала односложно, потому что говорить было трудно. Всю дорогу меня не покидало странное ощущение нереальности происходящего: тело было ватным, ноги ступали будто сами по себе, а сердце колотилось так быстро, что я слышала его в висках. Казалось, что я сплю и вот-вот проснусь.

Когда мы подошли к моей комнате, я быстро скользнула внутрь и закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной, перевела дыхание. Руки все еще дрожали, но внутри постепенно разливалось странное спокойствие. Будто я наконец начала понимать, что происходит, — или хотя бы перестала сопротивляться этому.

Я быстро оделась в первое попавшееся платье — темно-синее, с неглубоким декольте, длинными рукавами и мягкой пышной юбкой. Ткань легла на еще влажную кожу холодными складками. Волосы я кое-как заколола, не глядя в зеркало. Когда я вышла в коридор, Итан уже стоял у лестницы, прислонившись плечом к стене. Его глаза, когда он увидел меня, на мгновение задержались на моем лице дольше, чем следовало.

— Вы готовы? — спросил он.

— Да.

Он развернулся и направился к кабинету бабушки. Я шла следом по длинному полумрачному коридору, мимо портретов предков, которые смотрели на меня с молчаливым укором. Под ногами скрипели старые дубовые доски, и каждый звук казался слишком громким в этой тишине. Некоторые окна были заколочены досками, на подоконниках лежал песок — все это наводило на мысль о защите от того, что невидимо, но здесь обитает.

Мы остановились у массивной двери. Итан достал из кармана небольшую связку ключей, нашел нужный и вставил его в замок.

Я вспомнила ссору отца и бабушки. Как она сжимала ключ в руке и говорила: *«Он останется при мне»*. Возможно, у нее был и второй. Она хранила его в тайне даже от семьи.

Дверь открылась. Итан шагнул внутрь, и я последовала за ним.

Кабинет бабушки остался таким, каким я его помнила. Стены до потолка занимали книги в старых кожаных переплетах. У окна стоял массивный стол из красного дерева, заваленный пожелтевшими бумагами. Камин давно не топился, из него тянуло холодом и сухой золой. Шторы были плотно задвинуты. В воздухе пахло пылью, сухими чернилами и едва уловимо — лавандой, как раньше.

Он подошел к столу и взял стопку рисунков, перевязанных потертой бечевкой. Положил их передо мной.

— Это то, как они выглядят на самом деле, — сказал он, и в его голосе впервые послышалась неуверенность. — Если хотите знать правду, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Я протянула руку, но пальцы дрогнули. Взяла верхний лист.

— Это ваши рисунки?

— Да.

То, что я увидела, заставило меня замереть.

На бумаге были изображены существа, которых невозможно было спутать с животными или людьми. Тела их казались вытянутыми, непропорциональными, будто составленными из чужих частей. Кожа на рисунках была передана грубыми штрихами — морщинистая, местами провисшая, покрытая темными пятнами. Конечности изгибались в суставах, которых не должно было быть, и заканчивались длинными, почти костлявыми пальцами. На месте лиц — неровные, лишённые симметрии провалы, в которых угадывались то ли глаза, то ли просто темные впадины.

Глядя на изображения, я невольно отметила, с какой точностью они выполнены. Итан рисовал с детальной тщательностью, стараясь не упустить ни одной детали. Именно от этого становилось хуже всего: в рисунках не было выдумки. В них была тщательность человека, который видел это слишком близко.

— Они выглядят именно так, — тихо сказал Итан. — Тот, кого вы видели сегодня, выглядел так. Но ваш разум подменил его образ на лицо мистера Грейвуда, потому что иначе вы бы не выдержали.

— Вы хотите сказать, что это... — я подняла на него глаза, — это вы видели в окне?

Он кивнул.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Я снова посмотрела на рисунки, и теперь, зная, что они изображают реальность, я не могла отвести от них взгляд.

— В тот момент, когда я стояла в коридоре и смотрела на Винсента... — начала я.

— Я видел их, — он закончил за меня. — И то, что вы пытались открыть окно, чтобы впустить его...

— Они хотели, чтобы я впустила их? — прошептала я.

— Да, — произнес он глухо, и в этом коротком слове было столько усталости, сколько не вместила бы целая ночь.

Я отложила рисунки, но пальцы мои дрожали, и один лист, скользя по столу, упал на пол, как подкошенный. Я опустилась на стул рядом со столом, и усталость навалилась на меня разом, смывая последние остатки сил, — тяжелая, липкая, как пелена тумана, просочившегося в дом сквозь щели старых ставен.

— Они не могут сами зайти в дом? — спросила я, и голос мой прозвучал так тихо, что я сама едва расслышала его.

— Нет. Их нужно впустить, — ответил он, не поднимая глаз. — Открыть перед ними дверь. Или окно. Даже щели в раме достаточно, если воля человека дрогнет.

— Они приходят только сюда?

— Да. — Он помедлил, и я видела, как трудно ему даются следующие слова. — Но было одно исключение. Несколько жителей оказались убиты. Мы предполагаем, что это тоже сделали Тенелики. Однако местные считают, что это были голодные звери.

Он сел напротив и устало провел рукой по лицу, словно пытаюсь стереть с него отпечаток бессонных ночей. В свете оплившей свечи его черты казались резкими, истертыми горем и тайной.

— Тенелики? — переспросила я.

— Да. У этих существ есть свое название. Тенелики.

— Откуда они вообще взялись?

— Мой отец, — сказал он тихо, и голос его дрогнул. — Он был ученым. Он изучал все, что связано с древними культами, артефактами, легендами. И однажды он нашел нечто, что следовало оставить в покое. Тени, которые он увидел, начали преследовать его. Он потерял рассудок, оказался в лечебнице. И даже там они не оставили его.

— Вы говорите о той лечебнице? — я вспомнила статью, которую читала в газетах. — О нападении?

Он кивнул. Его глаза, обычно такие уверенные, сейчас казались пустыми.

— Никто не поверил ему. Никто не поверил мне. Единственная, кто понял — это миссис Готт. Поэтому она приютила меня. И мы начали искать ответы.

Он взял один из рисунков и долго смотрел на него.

— Мы нашли книгу. В ней говорилось о существах, которые крадут лица. Тех, кто живет на границе мира и отражения. Тех, кого называют Тенеликами. С тех пор я посвятил свою жизнь изучению их. И, возможно, однажды я найду способ остановить их.

Я молчала, глядя на него. В этом человеке, который еще несколько минут назад казался мне насмешливым и самоуверенным, я видела теперь того, кто годами нес на своих плечах тяжесть, которую не разделял никто.

— Почему именно этот дом? — спросила я. — Почему они приходят сюда так часто?

— Этого я пока не знаю, — он поднял на меня глаза. — Но я надеюсь, что в книгах, которые остались после миссис Готт, есть ответы. И теперь, когда вы здесь, возможно, мы сможем найти их вместе.

В его взгляде мелькнуло что-то — не насмешка, а странная, почти уязвимая надежда.

Я снова посмотрела на рисунки, на страшные изображения существ, которые скрывались за обликами тех, кого я любила.

— Я помогу вам, — тихо сказала я. — Если смогу.

Он кивнул, и на его губах появилась легкая, почти печальная улыбка.

— Приятно познакомиться, мисс Готт.

— Можете называть меня Эдлин, — поправила я. — Между нами... если мы будем работать вместе.

Он поднял бровь, и в его глазах снова мелькнула та искра, которую я видела в коридоре.

— Как пожелаете... Эдлин.

Мы говорили еще долго. Итан рассказывал о том, как они с бабушкой изучали Тенеликов, как искали способы защитить дом, как находили в старых книгах упоминания о существах, похожих на тех, что приходили по ночам. Он говорил устало, но с какой-то странной одержимостью, будто каждое слово приближало его к разгадке.

А я слушала и чувствовала, как мир, который я знала, медленно, но неотвратимо рушится. Все, во что я верила — что смерть бабушки была случайностью, что дом был просто домом, что тьма не может проникнуть в наши жизни, — все это оказалось ложью.

Когда я наконец поднялась, чтобы уйти, он не стал меня удерживать.

— Отдохните, — сказал он. — Завтра будет новый день. И, возможно, новые ответы.

Я кивнула и направилась к двери. Но у самого порога остановилась.

— Мистер Вальмер?

— Да?

— Благодарю вас, что рассказали мне правду.

Он ничего не ответил. Но когда я обернулась, я увидела, что он смотрит на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

Я вышла в коридор и направилась к своей комнате. В доме было тихо. Старые половицы скрипели под ногами, и в этом скрипе мне слышался голос прошлого.

Когда я переступила порог своей комнаты, меня встретил холод. Не просто холод воздуха — ледяное дыхание пустоты, которое, казалось, проникло в самую глубину моей души. Я мечтала вновь ощутить ту теплоту, что согревала мое сердце в детстве, ту заботу, что обволакивала меня, словно мягкое покрывало. Но без бабушки все это потеряло смысл. Без нее комната, некогда наполненная жизнью и светом, стала лишь тенью прошлого.

Как часто я вспоминала те дни, когда в этих стенах звучали ее сказки, такие волшебные и мудрые, что казалось, будто сама вселенная шептала их на ухо. Здесь мы с горничными играли в игры, смеялись до упаду, а я, еще совсем юная, училась шить, рисовать и читать под ее чутким руководством. Каждый уголок этой комнаты хранил воспоминания, каждый предмет казался живым.

Я вспомнила один случай, произошедший несколько лет назад, когда я впервые увидела, как бабушка защищает свой кабинет.

— Я повторяю еще раз, Филип, — произнесла бабушка Элеонора с холодной строгостью, поднимая голову и глядя на сына с тем достоинством, которое всегда заставляло окружающих чувствовать себя немного неуверенно. — Мой кабинет — это не проходной двор, и я не позволю, чтобы в него кто-то входил без моего ведома.

Филип стоял перед ней, слегка наклонив голову, но в его глазах читалось упрямство.

— Матушка, — начал он мягко, но с ноткой настойчивости, — вам не кажется, что, начав вести такую закрытую жизнь, вы заставляете переживать близких людей? Я лишь хочу удостовериться, что с вашими счетами все в порядке.

Элеонора слегка прищурилась. Ее тонкие губы сжались в узкую линию.

— Это не имеет необходимости, — ответила она твердо. — Я женищина в здравом уме и памяти, Филип. Я не нуждаюсь в вашем опекунстве.

— Матушка, я действую из лучших побуждений, — не сдавался он. — Если вы не хотите, чтобы я сам проверял ваши бумаги, позвольте нашему юристу сделать это.

Элеонора замерла на мгновение, ее пальцы сжали ключ от кабинета так крепко, что костяшки побелели.

— Нет, Филип, — произнесла она, и голос ее звучал как сталь. — Мой кабинет останется закрытым. И ключ останется при мне.

Филип вздохнул, но в его глазах все еще горел огонек решимости.

— Матушка, я не хочу ссориться, но вы оставляете мне мало выбора.

— Выбор? — ее губы изогнулись в легкой усмешке. — Мой кабинет — это моя личная территория. И я не намерена ни с кем ею делиться.

Когда он вышел, бабушка посмотрела на меня. Ее строгое лицо смягчилось.

— Что такое, дитя мое? — спросила она мягко.

— Почему вы с папой ругаетесь из-за какого-то кабинета? — выпалила я.

— Потому что твой отец, дорогая моя, не до конца понимает, что есть границы, которые не стоит пересекать, — ответила она с легкой усталостью.

— Какие границы?

— Личные, моя маленькая, — произнесла она, слегка наклонив голову.

— Это как?

— Ну, вот смотри, — она улыбнулась. — У тебя есть своя комната. Тебе бы хотелось, чтобы кто-то посторонний вошел в нее и начал трогать твои вещи?

— Нет, — ответила я.

— Вот видишь. Есть моменты, когда даже твоему отцу не следует совать свой нос в чужие дела. Когда ты подрастешь, ты поймешь.

Теперь я понимала. Она защищала не просто комнату. Она защищала правду, которую никто не смог принять.

С уходом бабушки исчезла не просто она — исчезла сама душа этого места. Та аура, что когда-то наполняла комнату теплом и светом, растворилась, оставив после себя лишь холодные стены и тишину, которая давила на сердце. Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как слезы подступают к глазам, и понимала, что ничего уже не будет так, как прежде. Ее любовь, ее мудрость, ее присутствие — все это было тем самым волшебством.

И в тот момент я осознала, что потеряла не просто бабушку. Я потеряла часть себя, часть своей истории, часть того мира, который она создала для меня. Но, быть может, где-то в глубине души я все еще могла найти ее — в тех воспоминаниях, что она оставила, в тех уроках, что преподавала, и в той любви, что продолжала жить во мне, несмотря на все.

Я закрыла глаза и позволила себе на мгновение почувствовать, что она все еще здесь. Что ее голос все еще звучит в тишине. Что ее руки все еще могут укрыть меня от холода.

Но когда я открыла глаза, в комнате было пусто. Только ветер за окном шевелил занавески, и я знала, что завтра придется снова идти в кабинет, снова смотреть на рисунки и снова искать ответы на вопросы, которые я боялась задавать.

Глава 3

Я брела по коридору, которому не было конца, и с каждым шагом действительность истончалась. Стены были неестественно белыми — выцветшими, но в то же время пугающе свежими, будто возведенными мгновение назад и уже тысячу лет гниющими вне времени. Пол холодил босые ступни, и с каждым прикосновением я все слабее ощущала собственное тело. Эхо шагов дробилось и умирало, не достигая стен. Я не помнила, как оказалась здесь, и не знала, куда иду. Лишь одно было несомненно: ноги оставляли за собой темные, маслянистые следы, исчезающие, едва я пыталась удержать их взглядом. В груди натянулась незримая нить — не боль, но приказание, чуждая и неумолимая тяга вперед.

Тогда я и увидела его.

В глубине коридора возник силуэт — дрожащий, лишенный четких очертаний. Сердце сжалось и забилося неровно, наполняя грудь ледяными толчками страха, однако отвести взгляд я не могла. Я застыла, хотя рассудок уже взывал: беги. Но фигура приближалась — не шла, а скользила, не колебля воздуха.

С каждым мгновением черты ее обретали резкость. Человек — высокий, болезненно худой, в длинном пальто, слишком просторном для него; оно не облегало тело, но поглощало его. Чернота ткани была глубже ночи и не отражала света. Лица было не различить, однако я знала: он смотрит. Не требовалось видеть глаз — я ощущала их тяжесть.

Я моргнула — и стены растворились, обернувшись бескрайним водоворотом зеркал. Мое отражение дробилось, ломалось, рассыпалось на сотни искаженных подобий, живших собственной жизнью. Я моргнула вновь — коридор вернулся, но ощущение, что реальность трескается, уже не покидало меня. Где-то на пределе слышимого звенел тонкий, нечеловеческий гул.

Я попыталась отступить, но тело не повиновалось. Мышцы, лишенные воли, обратились в чужой механизм. Фигура приблизилась, и я увидела лицо. Оно было обыкновенным — до невыносимости обыкновенным. Пустым, без выражения, без признаков жизни, без единой черты, за которую мог бы зацепиться рассудок. Настолько нейтральным, что память отказывалась удерживать его, и разум, словно в защитном исступлении, стирал увиденное, оставляя лишь чувство нечеловеческой чуждости.

И тогда он улыбнулся.

Рот раскрылся шире, нежели позволяет природа; губы разошлись, обнажив безупречно белые, игольчатые зубы. Глаза, прежде пустые, наполнились невыразимым. В них не было ни радужки, ни белков — лишь два провала, темнее и глубже самой вселенной. Их взгляд не смотрел — он втягивал, засасывал в бездну, где нет ни времени, ни формы, ни меня.

Я попыталась закричать, но звук умер, не достигнув губ. Горло сдавило. Тело его дрогнуло, утратило устойчивость очертаний. Он шагнул — и пальцы удлинились, обратившись в тонкие извивающиеся щупальца. Пол подо мною рассыпался в пустоту, но я не упала — я висела, подвешенная на незримой нити, и чувствовала, как реальность теряет последнюю форму.

Он приблизился вплотную, и я ощутила его дыхание — ледяное, тлетворное, проникающее в каждую клетку. Я закричала вновь, но голос растворился в пустоте.

Его рука — если это еще можно было назвать рукой — коснулась моего лица. Боль пронзила меня тысячью раскаленных игл, разрывая не плоть, но нечто более глубокое — память о теле, само мое имя. Вязкая тьма хлынула отовсюду, заполнила рот, легкие, разум. На мгновение я услышала собственный смех — чужой, искаженный, отзывающийся эхом из глубины кошмара.

И когда реальность окончательно треснула, когда границы меж сном и явью рассыпались, я поняла, что уже никогда не узнаю, кем была.

Ибо в тот миг я перестала быть.

Открыв глаза, я соскочила с кровати. Сердце билось отчаянно, готовое разорвать грудную клетку.

Воздух в комнате был тяжелым, пропитанным остаточным ужасом сна. Тело дрожало, тонкая сорочка прилипла к спине от холодного пота. Перед глазами все еще мелькали искаженные лица, зловещие взгляды, запечатленные в сознании, будто тени, отказавшиеся рассеяться с рассветом.

Комната была просторной, но неухоженной. Высокие потолки с лепниной потускнели от пыли, по углам висели выцветшие гобелены, пахнувшие старостью. Обои с цветочным орнаментом местами отошли от стен, обнажив потрескавшуюся штукатурку. Возле кровати стоял резной комод, накрытый пожелтевшей кружевной салфеткой, рядом — зеркало в позолоченной раме, тусклое в полумраке.

На тумбочке стоял кувшин с водой и пустой стакан. Не раздумывая, я налила воды. Пересохшее горло с трудом пропускало прохладную жидкость. Казалось, если я попытаюсь произнести хоть слово, оно застрянет в груди. Странное ощущение зыбкости между сном и явью не проходило.

Я повернула голову к окну. За стеклом не было досок — они оказались прибиты только на первом этаже. Тяжелые парчовые шторы были небрежно отодвинуты, открывая вид на угрюмый сад, окутанный утренним туманом. Подоконник покрывала пыль, и только мои следы оставались на его поверхности.

Вчерашний разговор с Итаном не прошел бесследно. Он настаивал, чтобы я отдохнула, уверяя, что сон поможет. Но разве могла я забыться, если сам сон стал продолжением кошмара? Усталость окутывала меня, но страх был слишком живым. И все же в глубине души теплилась нелепая мысль: что, если это лишь злой розыгрыш? Или порождение истерии? Но каждый штрих этого места был слишком реален. Слишком безупречен в своей пугающей логике.

Я не стала звать служанку. В конце концов, можно хотя бы попробовать справиться самой. Правда, в городе меня всегда окружали люди, готовые в любой момент подать руку, поправить складку платья, принести воды. Здесь же все было иначе.

Взглянув на чемодан, я поняла, что горничная даже не потрудилась разобрать вещи. Я замерла на мгновение, ожидая привычного движения — что кто-то уже спешит распаковать крышку, разложить платья по местам, расправить кружева. Но никто не появился. Тишина, лишь едва уловимый скрип половиц где-то в глубине дома.

Я поджала губы. Если так пойдет и дальше, придется уменьшить ей жалование. Увольнять невыгодно, но заставить осознать свою бесполезность стоило бы. Хотя, быть может, стоило позвать ее? Дернуть за шнурок, дожидаться, когда она явится с недовольным лицом и сделает все, что положено. Но от одной мысли об этом внутри поднималось раздражение. Проще уж самой.

Подойдя к зеркалу, я поморщилась. Бледная кожа, которую даже в городе приходилось оживлять румянами, сейчас выглядела и вовсе серой. Я машинально убрала за ухо выбившуюся прядь — светлую, почти серебристую в этом тусклом утреннем свете.

Я открыла чемодан. Крышка поддалась с легким скрипом, и в лицо пахнуло лавандой — запахом саше, которое я когда-то положила между платьями. В городе чемодан всегда разбирали за меня: вещи исчезали в шкафах, нижние юбки аккуратно складывались, корсеты расправлялись на специальных подставках. Я никогда не задумывалась, сколько усилий это требует. Теперь же, глядя на ворох тканей, я на мгновение растерялась.

Осторожно вытянула первое, что попало под руку, — слишком пышное, с тяжелой вышивкой. Нет, не то. Такое надевают на приемы, а не для утреннего блуждания по дому. Я

приподняла еще одно — слишком легкое, полупрозрачное, не подходящее для знакомства с обитателями особняка. Наконец, мои пальцы нащупали плотную ткань. Я вытянула платье и расправила его перед собой.

Это было утреннее платье из плотного хлопка цвета топленого молока, с мелким синим узором по подолу и на манжетах. Лиф застегивался спереди на ряд мелких перламутровых пуговиц, а юбка — умеренно пышная, с несколькими нижними юбками — мягко расходилась книзу. Воротник был невысоким, с узкой полоской кружева, а рукава — длинными, слегка расширенными у запястий. Оно идеально подходило: не слишком нарядное, но приличное, и, главное, я могла справиться с ним без посторонней помощи. Я все же мельком взглянула на дверь, будто ожидая, что вот-вот войдет горничная и молча поможет. Но дверь оставалась закрытой.

Пришлось справляться самой. Я скинула ночную сорочку, и прохладный утренний воздух тут же обнял плечи, заставляя кожу покрыться мурашками. Светлые волосы рассыпались по обнаженным плечам, а я поспешно шагнула в платье, стараясь не запутаться в нижних юбках. Прохладная ткань скользнула по коже, заставляя вздрогнуть. Пальцы непривычно долго возились с пуговицами. Первая не поддавалась — петелька оказалась тугой, и я потратила несколько секунд, прежде чем протолкнуть ее. Вторая застегнулась легче, зато третью я пропустила, и пришлось расстегивать и начинать заново.

Последний раз я одевалась сама только в академии благородных девиц. Но там форма была простой и не требовала посторонней помощи — ни тебе мелких пуговиц, ни тугих петель, ни нижних юбок. Теперь же каждое движение казалось незнакомым, непослушным.

Я то и дело останавливалась, поправляя складки, одергивая лиф, проверяя, ровно ли легла ткань на плечах. Наконец платье мягко обрисовало талию и свободно упало к полу. В зеркале отражалась я сама — без привычного образа, без чужой помощи. И это отражение смотрело настороженно.

С прической вышло не лучше. Обычно камеристка укладывала волосы за полчаса, орудуя гребнями и шпильками с такой ловкостью, что я не успевала и глазом моргнуть. Я же провозилась куда дольше. Светлые пряди, скользкие и непослушные, выбивались из рук, шпильки падали на пол, а локоны не желали держать форму. Несколько раз я смахивала все и начинала заново, пока наконец не получилось нечто приемлемое — простое, но аккуратное. Собрав волосы в низкий узел, я оставила несколько мягких прядей у висков, чтобы хоть немного смягчить бледность лица.

Я нанесла легкий румянец, провела пальцем по нижней губе, добавляя немного цвета. Взгляд, который смотрел на меня из зеркала, был усталым — серо-голубые глаза казались еще светлее из-за темных кругов, залегших под ними за эту ночь. Платье сидело ровно, волосы не растрепались, но внутри все равно сидело странное чувство: я делала все сама, и от этого казалась себе оголенной, будто потеряла невидимую броню, к которой привыкла с детства.

Покинув комнату, я вышла в коридор. В доме было тихо. Тяжелые бархатные портьеры едва колыхались от сквозняка, под ногами лежал густой ковер, глушивший шаги.

Где-то наверху скрипнула половица. Я замерла, прислушалась. Снова тихо. Но ощущение, что за мной наблюдают, не проходило.

Стены вдоль лестницы были увешаны картинами. Несколько пейзажей в тяжелых рамах — темные рощи, затянутые туманом, и один морской вид с бледным небом. Между ними висели портреты: бабушка в молодости, с высокой прической и жемчужной брошью у ворота; дедушка, строгий, с тяжелым подбородком и перстнем на сложенных руках; чуть ниже — отец в юности, еще без седины, с тем же упрямым разворотом плеч. Краски на портретах потемнели, лица казались отстраненными. Проходя мимо, я невольно отводила взгляд. Перила из темного дерева были холодными на ощупь. Ступени местами поскрипывали.

Спускаясь в столовую, я вспоминала, как в детстве здесь было оживленно: пахло воском и свежей выпечкой, из кухни доносились голоса, в камине гудел огонь. Теперь дом казался пустым и чужим.

Войдя в столовую, я замерла. Длинный дубовый стол был пуст. Ни фарфора, ни серебра, ни салфеток. Часы на стене показывали десять утра. Почему меня никто не разбудил? Где завтрак? Горничная не проявила ни капли усердия. Или в этом доме больше не соблюдают привычный уклад?

Я подошла к серванту у стены, открыла верхнюю дверцу. Внутри стояли стопки тарелок, покрытые тонким слоем пыли. Вынула одну, проверила на свет — на доньшке остался мутный развод. Пришлось протереть ее краем скатерти, что лежала тут же, сложенная неровно. Серебра на месте не было, только несколько потускневших ложек в дальнем углу. Я взяла одну, стерла с нее пыль. Салфеток не нашла вовсе.

В графине на столе было немного воды. Я налила в стакан, но пить не стала — вода пахла затхло. Подошла к окну, отодвинула штору. Стекло было мутным, в разводах. За ним — серый сад, одичавшие кусты и полоска тумана над землей.

Я снова взглянула на часы. Десять. В прежние времена к этому часу стол уже накрывали: булочки, масло, горячий чай. Теперь же в столовой было тихо, как в нежилой комнате. Я положила тарелку на стол, но аппетита не было. Оставалось только ждать, что кто-нибудь появится, или искать прислугу самой.

— Есть здесь кто? — мой голос, непривычно резкий, нарушил тишину.

Пройдя на кухню, я остановилась на пороге. Это место выглядело так, будто его покинули в спешке — или кто-то совсем недавно устроил здесь разгул, не потрудившись убрать за собой.

В воздухе не было ни запаха свежего хлеба, ни тепла растопленной печи. Пахло затхлостью, прокисшим вином и сыростью, будто кухней давно не пользовались.

На полках, на первый взгляд, царил порядок, но, приглядевшись, я заметила винные бутылки — многие наполовину пусты, а иные и вовсе опустошены и небрежно свалены в углу. Рядом стояли стаканы с мутными разводами, бокал с остатками красного вина.

Я сделала несколько шагов вперед, и под подошвой что-то хрустнуло — осколок стекла. Я брезгливо отступила.

Возле каменной мойки высилась гора грязной посуды — тарелки с засохшими остатками еды, кастрюли с пригоревшим дном, кружки с темными пятнами. На разделочном столе валялись крошки, кожура от овощей и смятая салфетка, пропитанная чем-то жирным. Несколько мух кружили над остатками еды.

Я прижала ладонь к лицу.

— Что здесь происходит... — выдохнула я.

Я принялась рыться в шкафах, надеясь найти хоть что-то, что объяснило бы происходящее. Крупы, овощи, фрукты, специи — все было аккуратно разложено по полкам, но этим явно давно не пользовались. Банки покрывал тонкий слой пыли, мешочки с крупами затвердели, в углу одного из шкафов висела паутина.

В дальнем углу кухни, за большим деревянным столом, стояло несколько грязных тарелок — будто их оставили в спешке и забыли. К ним прилипли засохшие куски еды, а рядом валялась смятая тряпка.

Неужели и повар столь же беспечен, как горничная? В мысленном списке увольнений он занял свое место.

— Этот дом превращается в сущий хаос! — пробормотала я, отступая от шкафа.

Выбежав в гостиную, я остановилась, оглядываясь по сторонам. Глаза метались в поисках хоть кого-нибудь. В этот миг мне было все равно, кого увижу — Итана или Ханну, — лишь бы тишина нарушилась. Но гостиная встретила меня той же пустотой. Пылинки медленно кружили в бледных лучах света, пробивавшихся сквозь тяжелые шторы.

Голод напоминал о себе. Начавшееся с мрачного сна утро, вынужденное самостоятельное приведение себя в порядок и теперь отсутствие завтрака — все это превращалось в нестерпимое безобразие. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Воспоминание о кабинете бабушки всплыло в мыслях. Быть может, там меня ждут ответы. Или хотя бы кто-то, кто сможет объяснить, что творится в этом доме. Я вышла из гостиной и решительно направилась к лестнице. Ступени отзывались глухим скрипом. Наверху было еще тише: коридор второго этажа тонул в полумраке, и лишь из-под двери кабинета пробивалась тонкая полоска света.

Ворвавшись в кабинет, я испытала странное облегчение: дверь оказалась открыта. Воздух был насыщен ароматом старинной древесины и легким запахом табачного дыма. Мой взгляд сразу привлек Итан. Он сидел на краю тяжелого дубового стола, свесив одну ногу. Рядом на столешнице были разложены бумаги, в которые он то и дело заглядывал, не обращая внимания на мир вокруг. Его бледное лицо и тусклый взгляд излучали едва сдерживаемую усталость.

Одет он был просто, по-домашнему: белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, расстегнутая у ворота, поверх нее — свободные подтяжки, спущенные с плеч. Брюки были темными, слегка помятыми, а волосы — растрепанными, будто он не раз проводил по ним ладонью.

Рядом стояла Ханна, держа в руках несколько писем — судя по пожелтевшей бумаге, старых. Я перевела на нее взгляд, и в этот раз рассмотрела девушку лучше, чем при первой встрече. Она не была красавицей в привычном смысле — скорее, производила впечатление человека, который давно махнул на себя рукой. Темно-русые волосы, тусклые и сальные, были кое-как склоты на затылке, но тяжелые пряди выбились и неопрятно свисали вдоль лица. Ее кожа, грубая и неровная, с красноватыми воспаленными пятнами на щеках и подбородке, выдавала то ли болезнь, то ли постоянное недосыпание. На лбу и висках блестела испарина, а по скулам рассыпались мелкие прыщи, которые она, видимо, даже не пыталась скрыть.

Одета она была в простое серое платье прислуги — из дешевой, давно потерявшей форму ткани. Подол был помят, на груди виднелось несколько темных пятен не то от воды, не то от жира. Поверх платья был повязан передник, когда-то белый, а теперь пожелтевший и застиранный до ниток. Рукава закатаны до локтей, открывая красные, обветренные руки с коротко остриженными ногтями. На ногах — стоптанные туфли, которые она, судя по всему, носила не первый год.

Но больше всего поражали ее глаза. Глубокие, почти безжизненные, запавшие, с темными кругами. У Итана под глазами тоже лежали тени, но его бледность казалась благородной, тогда как ее — болезненной, изможденной.

— Хозяюшка проснулась, — произнес Итан, не поднимая головы от бумаг. — А чего так рано? Мы вас только к обеду ждали.

— Рано? — я замерла у порога. — Уже десять утра. В приличном доме к этому часу завтрак давно подан.

— Десять, — протянул он, наконец взглянув на меня. — Пожалуй, да. Еще даже утро не кончилось.

Его тон — ленивый, слегка насмешливый — выводил из себя куда сильнее, чем сам беспорядок. Я стиснула зубы.

— Позвольте узнать, где завтрак? — я старалась говорить ровно, но голос дрожал. — Или в этом доме больше не принято накрывать стол?

— Том ушел в деревню. За продуктами, — сказал Итан.

— Давно?

— Часа два назад. Может, чуть больше.

— И до сих пор не вернулся?

Он отложил бумагу и посмотрел на меня с улыбкой:

— Ну, дорога неблизкая. А если по пути заглянул куда-нибудь — так это его право.

— Что значит «заглянул»? — я шагнула вперед. — Куда он мог заглянуть в такое время?

— В бар, — спокойно ответил Итан. — Том считает, что перед готовкой полезно промочить горло. Говорит, так у него и рука вернее, и вкус тоньше.

— В бар?! Утром?! — я ушам своим не верила. — Повар, которому доверена кухня, шляется по питейным заведениям!

Итан и Ханна переглянулись. Ханна опустила глаза к письмам, Итан снова уткнулся в бумаги.

— Это неслыханно! — я не собиралась молчать. — В порядочном доме повар должен быть на месте с самого утра: проверить кладовую, растопить плиту, приготовить тесто. А к восьми завтрак уже обязан стоять на столе!

— Ну, значит, у Тома другие представления о порядке, — отозвался Итан. — Не все же такие правильные.

— При чем здесь «правильные»?! Это его обязанность! Не прихоть, а служба, за которую платят жалованье!

Итан вздохнул:

— Не кипятитесь. Вернется он. Ну, выпьет кружку, поговорит с кем-нибудь, придет, приготовит. Куда он денется.

— Вы хоть сами понимаете, как это звучит? — я сжала кулаки. — Вы защищаете человека, который бросил кухню в полном беспорядке! Я видела, что там творится! Гора немытой посуды, бутылки, мухи! И вы сидите здесь с таким видом, будто все в порядке!

— А что вы предлагаете? — Итан поднял бровь. — Бежать в деревню и тащить его за шкуру? Если хотите, можете попробовать. Только платье перепачкаете.

Я едва сдержалась, чтобы не топнуть ногой.

— Ханна! — резко повернулась я к горничной. — Вы-то почему бездельничаете?

Она подняла на меня усталые глаза.

— Я сделала утреннюю работу.

— Какую? Подмели полы? Протерли пыль? И на этом все?! — я шагнула к ней, и Ханна невольно отступила. — Мои вещи до сих пор не разобраны! В спальне душно, на подоконнике пыль, стол не накрыт! Вы хоть понимаете, что в приличных домах горничная обязана явиться к хозяйке до завтрака, помочь с платьем и прической, проветрить комнаты, согреть воду?! А вы торчите здесь с этими письмами, будто вас это не касается!

Ханна побледнела. На скулах у нее проступили красные пятна, губы сжались. Она не опустила голову, но в глазах мелькнуло что-то темное — не раскаяние, а плохо скрытая злость.

— Я не знала, что от меня все это требуется, — сказала она глухо.

— Так узнайте! — вспыхнула я. — Ваша работа — заботиться о доме, а не дожидаться, пока вам разжуют каждую обязанность! Если вы не способны выполнять простейшие вещи, может, вам стоит поискать другое место?

Итан переглянулся с Ханной, но промолчал. В воздухе повисла тишина. Я чувствовала, как от злости горят щеки. Никто не сдвинулся с места. Казалось, этот дом проглотил и порядок, и приличие, и само представление о том, как все должно быть устроено.

Итан изогнул бровь, и я почувствовала, как его насмешка на мгновение пробила сквозь обычное невозмутимое выражение. Но мой взгляд уже был прикован к Ханне. Ее лицо изменилось — она едва сдерживала недовольство, но в глазах промелькнуло то, что она явно пыталась скрыть. Презрение. Острое, холодное, как нож, который она не решалась обнажить до конца.

Несколько мгновений она просто смотрела на меня, и от этого взгляда внутри у меня все похолодело. Затем, не проронив ни слова, повернулась и бросила короткий взгляд на Итана.

Тот едва заметно пожал плечами — жест, который я уже начинала ненавидеть: полное безразличие, граничащее с молчаливым согласием.

— Что, нечего сказать? — не выдержала я, чувствуя, как раздражение подступает к горлу.

Она вышла, не оглянувшись, и дверь за ней закрылась с грохотом, от которого я подпрыгнула на месте.

Только после этого я почувствовала, как напряжение отступает. Воздух в комнате стал будто легче, и я с удивлением осознала, что внутренний конфликт ослаб. Словно невидимые оковы разжались, позволив вновь обрести контроль. Даже голод отступил — хотя бы на мгновение.

— Я бы не советовал вам ссориться с тем, кто имеет доступ ко всем вашим вещам, включая самые важные, — тихо произнес Итан.

Я обернулась. Он по-прежнему сидел на краю стола, небрежно покачивая ногой. Но в голосе его проскользнуло нечто новое — не угроза, а предостережение.

— Это угроза или совет? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Скорее дружеское наставление, — ответил он. — Неразумно ссориться с тем, кто может сделать ваше пребывание здесь куда менее удобным.

Он помолчал, затем поднял на меня глаза:

— Ханна, при всех ее недостатках, знает дом лучше многих. И, поверьте, если она захочет, ваше пребывание здесь станет куда менее удобным, чем вы можете себе представить.

— Вы пытаетесь меня запугать?

— Я пытаюсь уберечь вас от лишних трудностей. — Итан спрыгнул со стола, взял одну из бумаг, но смотреть в нее не стал. — К тому же, если уж откровенно, вы были с ней резковаты.

— Она не выполняет своих обязанностей, — отрезала я.

— Возможно, — согласился он. — Но в этом доме давно уже все держится не на обязанностях, а на том, что люди просто остались.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и впервые за утро в его глазах не было насмешки.

— Я понимаю ваше возмущение. Сам когда-то не выносил небрежности. Но сейчас... — он невесело усмехнулся. — Сейчас я был бы рад, если бы у Ханны просто оставалось желание приходить сюда по утрам.

Я сжала губы. Слова его звучали как упрек, хоть он и не произнес его прямо. Стало неуютно, будто я, сама того не желая, ударила по тому, что здесь и без меня едва держалось.

— Я заметила, что у нее уже накопился внушительный список неисполненных обязанностей, — сказала я тише. — Если бабушка позволяла всем здесь вольничать, то я не намерена следовать ее примеру.

— Ваше право, — произнес Итан с ледяным спокойствием.

Я выдержала его взгляд, но спорить дальше не стала. В конце концов, я правда многого еще не знала. Обычной жизни здесь не было — в этом я уже успела убедиться.

— Но, если говорить откровенно, я пока не решила, что мне делать со всем этим, — вздохнула я.

Его взгляд стал настороженнее.

— В каком смысле?

— После того, что произошло вчера, — я помедлила, подбирая слова, — разумнее было бы уехать, распустить слуг, а дом, возможно, продать. А перед этим рассказать обо всем констеблям и, быть может, обратиться к священнику или к тем, кто разбирается в подобных вещах.

Он внимательно следил за мной. В его взгляде промелькнул интерес, но не удивление.

— И вы действительно готовы это сделать?

— Если все это правда, — я выдержала его взгляд, — от этого дома и людей, которые здесь живут, пользы мало. Проблем только больше.

Итан медленно склонил голову. Пальцы, до этого спокойно лежавшие на краю стола, чуть сжались.

— И что же вас останавливает от немедленного отъезда?

— Я должна попрощаться, — выдохнула я. — С этим домом, со стенами, с воспоминаниями. С детством, которого больше нет.

Он изучал меня, и взгляд его стал мягче, но скрытная грусть, которую он явно пытался спрятать за привычной иронией, все же проступила в уголках губ.

— Понимаю, — сказал он неожиданно тихо. — Я ведь тоже не успел с ней попрощаться. Я подняла на него взгляд.

— Вы были очень близки, — уточнила я.

Глядя на Итана вживую, я, в принципе, могла понять бабушку — понять, что она нашла в этом молодом человеке. Внешность у него и правда была особенная. Она легко притягивала взгляд, заставляя задерживать его дольше, чем того требовали приличия. Даже сейчас, с темными кругами под глазами и в помятой одежде, он выглядел так, будто сошел с полотна какого-то модного художника.

Итан слабо усмехнулся.

— Конечно. Наша близость была особенной.

— Ваша история весьма сомнительна, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Отчего поверить в искренность ваших чувств тяжело. Учítывая, какая печальная у вас складывалась судьба. Вы могли остаться на улице.

— Да. Элеонора — святая женщина. И сближало нас гораздо больше, чем все думают.

— Уберегите меня от подробностей.

— А что же так? — Итан оттолкнулся от стола и сделал шаг в мою сторону. — Вам не интересна история нашей любви? Очень интересная и занятная история.

— Пожалуй, откажусь, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается неловкость. — Мне не хочется обсуждать личную жизнь бабушки с... — я запнулась, подбирая слово, — с вами.

— А я плохая кандидатура на роль мужчины для вашей покойной бабушки?

Он стоял теперь ближе, чем следовало, и смотрел на меня с той самой усмешкой, которая выбивала из колеи. Я заставила себя не отвести взгляд.

— Я вас не знаю. Но историю вашей семьи знаю прекрасно. Здесь не нужны сплетни или догадки, чтобы понимать: мальчик, оставшийся без семьи, наследства и связей, с дурной славой из-за сумасшедшего отца, вряд ли смог бы удержаться на плоту жизни без помощи. А моя бабушка, насколько мне известно, знала вашего отца.

Итан замер. Улыбка на его губах поблекла, уступив место чему-то более сложному — смеси горечи и усталости.

— Знала, — сказал он тихо. — Мой отец был архитектором. Строил дома для богатых семей, в том числе и для ваших родителей. Летний домик, который вы, должно быть, помните, — его работа.

Я нахмурилась.

— Тот самый, где бабушка любила проводить лето?

— Именно. Муж Элеоноры заказал его отцу, когда я был еще ребенком. Тогда-то они и познакомились. — Он помолчал. — А потом случилась та гроза.

— Какая гроза?

Итан невесело усмехнулся.

— Одна из тех, что делят жизнь на «до» и «после». Ваша бабушка столкнулась с Тенеликом. Едва не погибла. Отец оказался рядом и вытащил ее. С тех пор у них появилась общая тайна. А потом — общее дело.

Он провел ладонью по лицу, будто прогоняя усталость.

— Отец начал меняться не сразу. Сначала они просто обменивались письмами, книгами, записями. Он ездил по стране, доставал редкие издания — тогда еще был в состоянии это делать. Элеонора вела систематику, анализировала. Они были отличной парой — не в романтическом смысле, а в рабочем. Она — разум, он — руки. Она — стратег, он — разведчик.

Я молча слушала. Итан говорил спокойно, но в его голосе сквозила старая боль.

— А потом отец начал ломаться. Страх, который он слишком долго держал в себе, вырвался наружу. Он стал заколачивать окна, перестал выходить из дома, рисовал их без остановки. Говорил, что они приходят по ночам. Что следят. — Итан сглотнул. — Врачи называли это паранойей. Мать ушла, забрав меня. А его отправили в лечебницу.

Он замолчал. Я видела, как напряглись его плечи.

— Элеонора пыталась его вытащить, — продолжил он тише. — Писала, приезжала, договаривалась. Но врачи лишь разводили руками. Говорили: безнадежен. А через несколько месяцев он умер. Остановка сердца, так они сказали.

В комнате стало очень тихо.

— Вы винили ее? — спросила я.

Итан покачал головой.

— Нет. Я винил всех. Отца — за то, что оставил нас. Врачей — за то, что не помогли. Себя — за то, что был слишком мал и не мог ничего изменить. Мать — за то, что бросила его в трудную минуту. А ее... — Он встретил мой взгляд. — Ее я винил за то, что она не смогла его спасти. Но позже, когда сам столкнулся с Тенеликами, понял: она сделала все, что могла. Больше, чем кто-либо другой.

Он отвернулся к окну.

— Когда отца не стало, у меня не осталось ничего. Состояние разошлось по долгам, мать умерла позже, не выдержав всего этого кошмара, родственники отреклись. И тогда появилась Элеонора. Нашла меня в съемной каморке, грязного, злого, голодного. И просто сказала: «Поедешь со мной». Она не спрашивала, хочу ли я. Не уговаривала. Просто поставила перед фактом.

— Это в ее стиле, — мягко произнесла я, чувствуя, как в груди разливается тепло от воспоминаний.

Итан слабо усмехнулся. На мгновение его лицо смягчилось, будто он увидел перед собой не меня, а ее — ту самую Элеонору, которую оба знали, но каждый по-своему.

— Вы тоже с ней через это прошли? — спросил он, склонив голову.

— Она умела быть невыносимо властной, — ответила я. — Когда я была ребенком, она часто поступала так же. Приезжала без предупреждения, забирала меня на лето, никого не спрашивая. Спорить с ней было бесполезно.

Итан усмехнулся шире.

— Звучит знакомо. Она вообще не признавала возражений, когда считала, что знает лучше.

— Она всегда знала лучше, — подтвердила я, чувствуя, как улыбка сама трогает губы.

На мгновение между нами повисло нечто общее — неловкое, но теплое. Впервые за все время разговора мы говорили не как противники, а как двое людей, объединенных памятью о человеке, который для обоих значил больше, чем можно было выразить словами.

Итан выдохнул и снова посмотрел на меня — уже без прежней насмешки, но с вниманием.

— Вы скучаете по ней? — спросила я.

— Очень, — ответил он тихо.

Повисло молчание. Потом Итан заговорил снова — уже спокойнее, будто решившись на что-то важное.

— Сначала я думал, что она пытается так искупить вину. Думал, что я для нее — напоминание о человеке, которого она не спасла. Но потом понял: ей было все равно, что я думаю. Она видела во мне того, кто продолжит ее дело. И не ошиблась.

Он снова посмотрел на меня.

— Так что романа не было, как бы ни судачили в свете. Было дело. Была цель, ради которой мы с ней просыпались по утрам. И которую я не брошу, пока не доведу до конца.

Я выдержала его взгляд, чувствуя, как внутри борются недоверие и странное, необъяснимое желание поверить ему. Говорил он очень благородно.

— То, что вы видели вчера, — произнес он, — часть той самой цели. Того, что мы с ней изучали. Я поклялся покойному отцу и поклялся Элеоноре, что закончу начатое. Поэтому был бы благодарен, если бы вы позволили мне остаться хотя бы до вашего отъезда.

— Я и не собиралась вас прогонять, — начала я, но не успела продолжить: живот пронзил тишину громким урчанием. Я мгновенно прижала руку к животу, чувствуя, как щеки заливают краска.

Итан сделал вид, что ничего не заметил.

— Понимаю, не смею о таком просить, но пока вы здесь, у меня еще есть время. Насколько мне известно, в конце лета вы покидаете страну, и домом займется ваш отец. А он явно не потерпит моего присутствия здесь.

— В этом вы правы, — ответила я и после короткой паузы спросила: — Куда именно вы уезжали? Вы сказали, что задержались за городом, но не объяснили, зачем туда отправились.

Итан помолчал. Улыбка, тронувшая было его губы при звуке моего живота, быстро угасла.

— За неделю до ее смерти я отправился за книгами. Научные работы, запрещенные к ввозу в нашу страну. Ваша бабушка нашла продавца, который согласился расстаться с частью своей коллекции. Я должен был осмотреть все на месте, договориться о доставке. Это была рядовая поездка. Я уезжал и думал, что вернусь через пять-шесть дней — и все будет как прежде.

Он замолчал. Сжал челюсти, и на скулах заходили желваки. В комнате снова стало тихо, и я почувствовала, как между нами повисает что-то тяжелое, недосказанное.

Мой живот снова предательски заурчал. Итан услышал и тихо усмехнулся — на этот раз без обычной язвительности, скорее устало и почти по-доброму.

— Думаю, чтобы вам лучше думалось, нужно позавтракать.

— Было бы славно, — ответила я, пытаясь не выдать смущения.

Итан слегка наклонил голову, и в его глазах снова блеснул знакомый огонек — уже не враждебный, а скорее заинтересованный.

— Учитывая график работы повара, — продолжила я, — мне, видимо, предстоит выждать несколько часов.

— О, но у вас есть я, — Итан подошел ближе. — Будьте уверены, я с удовольствием помогу решить эту кулинарную проблему.

Я подняла брови.

— И как же вы намерены это сделать? Отыщете повара?

— Если вы так настойчиво хотите, могу заняться поисками. Но, признаюсь, не уверен, что найду человека, который умеет варить что-то сложнее кипяченой воды. Зато есть я.

— И что же вы умеете?

— Скромно замечу: достаточно, чтобы накормить голодную хозяйку, — он подмигнул. — Если мне удастся в течение часа организовать завтрак, мы сможем вернуться к нашим серьезным делам.

Итан подмигнул, и эта привычная, чуть игривая улыбка заставила меня на мгновение забыть обо всем. Уверенность, которую он излучал, была настолько очевидной, что я не могла не подумать, как умело он управляет ситуацией и как легко выбивает меня из равновесия.

Когда он покинул кабинет, я еще несколько секунд стояла, глядя на закрывшуюся дверь. Его образ не исчезал: улыбка с легким оттенком загадочности, взгляд, в котором было что-то неуловимо притягательное. Все это засело в памяти, и я не могла избавиться от ощущения, что его глаза все еще смотрят на меня.

Но дело было не только в нем. Его история — то, как он говорил о бабушке, — тронула меня сильнее, чем я ожидала. В его голосе не было ни лжи, ни попытки вызвать жалость. Только усталость, боль и странная, упрямая решимость человека, который потерял всех, но не сдался.

И еще было одно — то, в чем я не хотела признаваться даже самой себе. Облегчение. Острое, постыдное, но неоспоримое облегчение от того, что он не был любовником бабушки. Что их связь оказалась иной — глубже, чище, лишенной того скандального оттенка, который ей приписывали. Я сама не понимала, почему это вдруг стало так важно. Почему мысль о том, что он мог делить с ней постель, еще вчера казалась мне лишь поводом для брезгливого любопытства, а сегодня — чем-то почти невыносимым.

Я резко встряхнула головой, пытаюсь отогнать наваждение, и даже легонько похлопала себя по щекам. Перед глазами возник Винсент. Словно мой собственный разум, желая вернуть меня на землю, подбросил мне его образ — такой знакомый, такой правильный, такой непохожий на Итана, что сама мысль о сравнении вызывала неловкость, почти вину.

Винсент... Его фигура, высокая и мощная, словно высеченная из камня, внушала почтение. Каждый шаг дышал уверенностью, будто он был хозяином пространства, в котором находился. Его лицо, обычно строгое и непроницаемое, лишь изредка озарялось едва уловимой улыбкой. Глаза, темные и глубокие, порой вспыхивали искрами, но эти мгновения были так мимолетны, что я едва успевала их уловить.

И вот, словно в ответ, передо мной возник другой образ — Итан. Как же он был иным! Не столь высокий, но выразительный, он казался воплощением свободы и легкости. Темные, рыжеватые волосы — волнистые, чуть выше плеч — обрамляли лицо, придавая ему вид дикого, необузданного зверя. На щеках, словно мелкие тропинки на старинной карте, рассыпались веснушки — едва заметные, но придававшие его облику странное, почти юношеское обаяние. А тонкий шрам, пересекавший бровь над левым глазом, добавлял лицу суровости, какой не было в его улыбке.

Но больше всего запоминались его глаза. Зеленые, с темными искорками, они то мягко мерцали, то вспыхивали огнем — и в этом было что-то, что не давало просто отвести взгляд. В отличие от Винсента, чей взгляд всегда был полон тяжелой задумчивости, Итан смотрел иначе — живее, острее.

Пытаясь отвлечься, я обвела взглядом кабинет. Прежде безупречно аккуратный, теперь он выглядел заброшенным: раскрытые тома, пергаменты с неразборчивыми записями, карандашные наброски, карты. Все покрылось тонким слоем пыли.

Я подошла к одной из стен, где висели рисунки существ. Тех самых, о которых говорил Итан. Они не походили на плод фантазии: позы, пропорции, детали — все фиксировалось с методичной точностью. Бабушка вела эти записи годами. Она не делилась ими ни с кем из семьи. Возможно, считала, что такое знание не предназначено для близких.

Я провела пальцем по корешкам книг, стерла пыль с одной из полок. Мне вдруг захотелось навести здесь порядок, но я не знала, с чего начать. Слишком много всего — бумаги, карты, тома, перемешанные между собой. Казалось, что если тронуть хоть один лист, все рассыплется.

У дальней стены висела доска с заметками — аккуратный список, в котором человеческий облик значился как подтвержденный, но нестабильный; ночное время суток — как един-

ственный период активности; уродливый вид — как изменчивый, подверженный мутациям в зависимости от лунных фаз. Далее шли пометки о голосе, схожем с человеческим, но содержащем аномальные гармоник, о силе, чьи показатели не поддавались объяснению, и об агрессивности, возраставшей в некой экспансивной зоне. Питание оставалось не изученным, механизм проникновения — неподтвержденным. Последним значилось влияние на разум: когнитивное воздействие, искажения восприятия, внезапные психозы.

Почерк был бабушкин — я узнала его сразу. Но некоторые пометки явно делал кто-то другой: линии были резче, угловатее. Возможно, Итан.

Я сжала пальцы. Научные термины, сухие и точные. «Маскировка», «экспансивная зона», «диетологический анализ»... Что они потребляют — плоть, кровь, мысли? Чем дальше я читала, тем сильнее ощущала, как привычная реальность трескается.

В памяти всплыли истории, которыми нас пугали старшие воспитанницы академии Либерти. Мы сидели в темной спальне, сбившись в кружок, и слушали рассказы о существах, что не могут войти в дом без приглашения. О вампирах, которые ждут у порога, пока жертва сама не откроет дверь. О призраках, что скребутся в окна, но бессильны, пока створки закрыты. О тенях, что принимают облик близких, чтобы выманить человека наружу.

Тогда все это казалось игрой. Мы смеялись, кутались в одеяла, подбадривали друг друга, а утром и вовсе забывали. Теперь же, глядя на бабушкины записи, я понимала: в этих историях было больше правды, чем нам хотелось верить. И то, что вчера я видела за окном, лишь подтверждало: они не выдумка. Они здесь. И они ждут.

Я подошла к дубовому стеллажу. Провела ладонью по корешкам. Некоторые книги были знакомы — труды по истории, философии, естественным наукам. Но среди них попадались экземпляры в темных, грубых переплетах, названия которых были мне незнакомы.

Одна из книг привлекла мое внимание. Заглавие — резкие, угловатые символы, не похожие ни на один известный мне язык. Я осторожно раскрыла ее. Страницы, исписанные знаками, напоминавшими руны, но лишенными привычной гармонии. Линии, словно выцарапанные острым предметом. Возле каждого символа — пояснения, но язык их был мне чужд. Я попыталась вчитаться, но буквы расплывались, ускользали.

Я захлопнула книгу и вернула ее на место. Возможно, Итан знает, что это за текст. Если он и бабушка были так глубоко вовлечены в исследования, он наверняка сможет объяснить.

Взгляд упал на увесистую энциклопедию с золотым тиснением. Я развернула страницы — и с первых строк на меня хлынул поток слов об обрядах изгнания. Замкнутые круги, тела в конвульсиях, символы, начертанные дрожащей рукой. Описания были столь детальными, что к горлу подступила тошнота. Я с силой захлопнула книгу.

Воздух в комнате казался застоявшимся, тяжелым.

Я села за дубовый стол и снова посмотрела на рисунки Итана. Теперь они не пугали — они вызвали иное чувство. Линии, казавшиеся хаотичными, обретали пугающую точность. Контуры существ были выведены с такой тщательностью, что не оставалось сомнений: эти образы писались с натуры.

На одном из рисунков, в нижнем углу, я заметила подпись. «*И. Вальмер*». Выведенная тонкими, угловатыми буквами — такими же, как сам рисунок: сдержанно, без лишнего, но с характером.

Итан, без сомнения, обладал талантом. Его работы напоминали творения Люсьена де Морлея — художника, который прославился изображениями демонов. Говорили, что его картины были настолько живыми, что некоторые владельцы в итоге сжигали их, опасаясь, что изображенное может сойти с холста. Но если де Морлей писал с размахом, заполняя полотна мрачными сценами, то Итан был ближе к Эдгару Вейлу — мастеру, чьи миниатюры требовали внимательного взгляда. Вейл редко выставлялся, предпочитая работать для частных заказов,

и ходили слухи, что его рисунки обладали странным свойством: чем дольше на них смотрели, тем больше деталей проступало, будто изображение не было закончено никогда.

У Итана выходило похоже. Некоторые листы были выполнены с анатомической точностью, другие — смутными, будто выхваченными из сна. Казалось, он не просто рисовал, а пытался удержать на бумаге то, что норовило исчезнуть.

Я никогда не была любительницей подобного. Мое сердце тянулось к мягким, постельным тонам, где не было резких линий. Но от работ Итана я не могла оторвать взгляда. В них была какая-то необъяснимая сила, которая притягивала против воли.

Из размышлений меня вырвал едва уловимый шум шагов. Я подняла голову. В дверях стоял Итан. Свет из высоких окон падал ему на плечи, делая фигуру резче, отчетливее. На губах появилась легкая, почти незаметная улыбка.

— Все готово, прошу к столу, — произнес он.

— Что готово?

— Помнится, я обещал устроить вам завтрак, — ответил он. — А вы и не заметили, как время прошло.

Я взглянула на часы. С тех пор как он вышел, минуло почти час.

— Вы сумели найти повара? — спросила я с легкой насмешкой.

Итан усмехнулся, покачав головой.

— Вместо того чтобы тратить время на вопросы, я бы посоветовал спуститься в столовую.

Остынет — будет уже не так вкусно.

Я выгнула бровь, но встала из-за стола.

— Хорошо, — согласилась я и направилась к двери, чувствуя его взгляд спиной.

Завтрак оказался восхитительным. На изящном фарфоровом блюде лежал пышный омлет с кусочками тающего сыра. Рядом стояла чашка свежесваренного ягодного чая. На второй тарелке — два бутерброда, щедро смазанных маслом, с листьями зелени.

— И где же вы нашли повара для такого быстрого завтрака? — спросила я. — Управился меньше чем за час. К тому же, смею заметить, вы еще умудрились найти чистую посуду. Я заходила на кухню — там хаос.

Итан, сидевший напротив, лишь улыбнулся.

— С посудой проблем не было, с едой тоже. Так как вам завтрак?

— Не такой сытный и вкусный, как я привыкла в городе, — ответила я, стараясь сохранить долю скептицизма. — Но для такого времени он справился неплохо.

— Уверен, повару будет приятно услышать.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — настаивала я. — Где вы его нашли?

— Он был не так далеко, как кажется.

— Я жду ответа, а ваше увиливание начинает раздражать.

Итан замер, затем медленно поднялся. В его движениях было что-то нарочито плавное, словно он готовился к маленькому представлению. Он сделал легкий поклон.

— Что ж, прошу прощения, — произнес он почти театрально. — Позвольте представить... повара.

Он выпрямился, и до меня дошло. Ответ все это время был передо мной. Итан с его довольной улыбкой и был тем самым поваром. Я не смогла удержать усмешку, в которой смешались досада и удивление.

— Так вы не только художник, но и кулинар? — произнесла я, разглядывая его с любопытством.

Итан удивленно поднял брови.

— Художник?

— Я видела ваши работы в кабинете, — пояснила я. — И подпись на одной из них: «И. Вальмер». Это ведь вы?

Он ответил не сразу. Удивление на его лице сменилось чем-то более сложным — он был то ли польщен, то ли насторожен.

— Вы разбираетесь в живописи? — спросил он.

— Немного, — сказала я. — Достаточно, чтобы понять: у вас настоящий талант. В наше время такие работы — редкость.

Его взгляд смягчился, а уголки губ приподнялись.

— Интересное утро, — сказал он с легким сарказмом. — Уже второй комплимент от вас. Похоже, звезды решили, что я сегодня заслуживаю немного внимания.

Я приподняла бровь.

— Не преувеличивайте своих заслуг, Итан, — ответила я с ледяным спокойствием. — Я просто оценила ваши кулинарные таланты и художественные работы. Вот и все.

Его взгляд стал настойчивее.

— Вот это уже интересно, — сказал он. — Не каждый, особенно девушка, может похвастаться таким умением.

— И что же вы имеете в виду?

Он наклонил голову.

— Обычно люди, особенно девушки, склонны переносить личные чувства на восприятие других. И вот что любопытно... Похоже, вы — исключение.

— Мне чрезвычайно льстят ваши слова, — начала я, стараясь придать голосу легкую строгость. — Однако у меня есть несколько вопросов, ответы на которые я хотела бы получить без увеливаний.

Итан откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

— И какие же?

— Во-первых, — начала я, — я хочу узнать, чем именно вы занимаетесь. И о тех... созданиях, которые изображены на ваших рисунках. В кабинете бабушки я видела наброски, заметки. Признаться, после всего увиденного я склонна верить вам. Но прежде чем дать согласие, мне нужно понять, что здесь происходит и почему вам так необходимо остаться.

Итан не спешил с ответом. В столовой стало тихо, лишь часы отсчитывали секунды. Наконец он наклонился вперед.

— Вы задаете вопросы, на которые нелегко ответить, — произнес он. — То, что я расскажу, может показаться безумием. Но это правда.

— Думаю, после того, что я увидела, я могу поверить во многое.

Он выдержал паузу.

— Я изучаю существ, о которых большинство людей предпочло бы не знать, — начал он, рассеянно проведя ладонью по краю стола, будто собираясь с мыслями. — Те, кого вы видели на рисунках, — не выдумка. Они существуют. Просто наш разум не способен увидеть их настоящий облик. Мы видим лишь то, что способны вынести.

Итан говорил, и его руки не оставались в покое. Он то касался виска, то проводил по воздуху, словно очерчивая невидимую линию между собой и мной.

— Есть теория, что эти существа — порождение иных измерений, — продолжил он, откинувшись на спинку стула. — Наш мир — лишь один из множества. Границы между мирами не всегда стабильны. Когда они пересекаются, сюда проникает то, чему здесь не место.

Он поднял руку и развел пальцы, будто раздвигая невидимую завесу.

— Эти сущности существуют в других плоскостях. Лишь немногие способны чувствовать их присутствие.

Он сделал короткую паузу, наклонился вперед, опершись локтями о колени.

— Они появляются ночью, когда граница истончается. Поэтому днем их не видят: наш мир слишком плотный для них. Мы с Элеонорой пытались отследить их поведение. Обнаружили закономерности.

Итан постучал пальцем по столу, будто отмечая невидимую точку.

— Они всегда рядом с местами, где пересекаются пространство и время. Возможно, обитают в разрывах — «дверях», как их называют в древних текстах. В одном из манускриптов они упоминаются как Тенелики. Существа, живущие в темноте и носящие облики теней.

Он посмотрел на меня, проверяя, слежу ли я за его словами, затем снова откинулся назад и провел ладонью по волосам.

— Мы пытались исследовать эти «двери». Но каждый шаг лишь укреплял убеждение: их природа выходит за пределы человеческого понимания. Это не физические объекты. Это точки разлома. Тенелики скользят по ним, не подчиняясь законам нашего мира.

— Вы просто их изучаете? — спросила я.

Он качнул головой, усмехнулся уголком губ.

— Сначала — да. Мы искали логические, биологические объяснения. Думали, что это мутации, единичные случаи. Но слишком многое говорило об обратном.

Итан сцепил руки в замок и подался вперед.

— А когда мой отец погиб из-за них, мы поняли: мирно сосуществовать не получится. Обычные методы против них не действуют. Пришлось искать другие способы.

— Вы с бабушкой искали способ избавиться от них?

— Да. Особенно когда начались нападения на деревню. — Он потер переносицу, задержал ладонь у глаз. — Несколько человек пропали без вести. Говорили, что это дикие животные. Но ни одно животное не уродовало бы тела так, как это делают они.

— Вы видели эти тела?

— Да. — Он кивнул, и в этом движении не было ни колебания, ни желания смягчить. — Некоторые нашли через несколько дней после пропажи. Другие до сих пор где-то в лесу.

Итан посмотрел мне в глаза.

— Ваша бабушка знала об этом. Ее исследования были направлены на то, чтобы понять их природу. А этот дом хранит ключи к знаниям, которые я ищу. Поэтому я не могу уйти.

Было тяжело осознавать все это. В голове крутились вопросы, подступал страх. По сути, это была игра со смертью. На мгновение желание покинуть дом, вернуться в безопасное место и не думать о существах стало слишком сильным.

Но перед глазами снова возникло лицо бабушки. Я вспомнила ее руки, спокойные и сильные, то, как она поправляла шаль на плечах, как смотрела на меня поверх очков, когда я приходила с расспросами. Она потратила на все это годы. Пожертвовала всем, что у нее было. И ушла не сама — ей помогли. Эти твари жестоко расправились с ней.

К горлу подступила тошнота. Голова закружилась, перед глазами поплыло. Слабость заполнила тело, потянула вниз. Я почувствовала, как пол уходит из-под ног, а звуки стали глуше, будто доносились издалека.

Крепкие руки Итана подхватили меня, не дав упасть.

— Тише, — произнес он. — Что с тобой?

— Голова... закружилась... — голос мой прозвучал слабо. Перед глазами появились черные точки, расплывшиеся, как капли чернил в воде. Я попыталась ухватиться за его рукав, но пальцы не слушались.

Я закрыла глаза. Последнее, что я ощутила, — как меня подхватили и куда-то понесли. Затем наступила темнота.

Очнулась я уже на диване в гостиной. Голова гудела, во рту пересохло. Некоторое время я просто лежала, глядя в потолок, пытаясь понять, где нахожусь. Итан сидел рядом и наблюдал за мной.

— Тише, — сказал он, заметив, что я пытаюсь сесть. — Полежи немного. Ты побледнела. Я снова откинулась на подушки. Сердце постепенно замедлялось, но слабость еще держала. Перед глазами все плыло, и я прикрыла их, дожидаясь, пока комната перестанет качаться.

— Шок, стресс — это нормально, — сказал он.

Я помолчала, собираясь с силами. В голове все еще было мутно, но желание понять перебивало слабость.

— Итан, — позвала я тихо.

Он наклонился ближе.

— Расскажи мне все, что знаешь. Я хочу понять, что это такое и кто эти существа.

— Уверена? — спросил он, вглядываясь в мое лицо. — Ты едва пришла в себя.

— Да. Я должна знать.

Он выдержал паузу, потом кивнул.

— Хорошо. Только если станет хуже — скажи.

— Обещаю.

Он откинулся на спинку дивана, собираясь с мыслями, и начал говорить.

Глава 4

Я была благодарна Итану за то, что он не стал ничего скрывать. Пока он отправился в лес, я устроилась в кабинете бабушки и принялась рассматривать книги, рисунки и записи. По его словам, об этих существах известно не так уж много, но собранных материалов оказалось предостаточно. Правда, многое между собой не сходилось. Итан говорил, что им с бабушкой приходилось выискивать сведения по крупицам, и теперь, когда я начала вникать глубже, стало понятно, почему все выглядит таким запутанным.

Я начала с научных работ, которые могли объяснить тот самый эффект обмана, касающийся истинного облика существ. Первым делом я решила познакомиться с Францем Антоном Месмером. Он утверждал, что все живые существа пронизаны невидимой магнитной энергией — «животным магнетизмом», а болезнь возникает, когда ее течение нарушается. Для восстановления баланса он разработал необычные методы. Его процедуры вызывали у людей трансовые состояния, истерические припадки или ощущение тепла и покалывания — пациенты верили, что через них проходит таинственная энергия. Хотя Месмер добивался успехов в лечении, особенно истерии, научное сообщество обвинило его в шарлатанстве. В тысяча семьсот восемьдесят четвертом году комиссия признала его теорию лженаучной, а эффекты — следствием самовнушения. Тем не менее Месмер открыл, что с помощью внушения и особых ритуалов можно вводить людей в состояние, похожее на гипноз, и лечить их.

Итан также дал мне их с бабушкой записи, в которых они подробно описывали свои теории, догадки и практики. Открыв очередную страницу, я увидела родной, до боли красивый почерк — нетрудно было догадаться, что писала бабушка. Я провела пальцами по белому листу, поглаживая слова, выведенные черными чернилами.

«Месмер считал, что энергетический поток, "животный магнетизм", может исказить восприятие. В нашей истории: существа подчиняют себе разум жертв, настраиваясь на их эмоции, как гипнотизер на пациента. Они проецируют ложные образы, используя страх, тоску или любовь людей. Чем сильнее эмоциональная связь — например, с умершим родственником, — тем реальнее иллюзия».

Исходя из этого, можно было предположить, что моя связь с Винсентом настолько сильна, что существо воспользовалось моими чувствами, чтобы сильнее воздействовать на меня и подчинить своей воле.

«Позже, под влиянием работ Парацельса и экспериментов с магнитами, Месмер разработал теорию „животного магнетизма“. Суть ее заключалась в том, что все живые существа пронизаны невидимой магнитной субстанцией — флюидом, а болезни возникают из-за блокировки или дисбаланса этого флюида. Целитель же может восстановить поток энергии, воздействуя на тело пациента. Однако, как показывает практика и множество экспериментов, эффекты Месмера — результат самовнушения, а не магнетизма. Что, впрочем, не исключает того, что эти существа могут на расстоянии оказывать давление и, возможно, использовать гипноз».

Читая это, я мысленно пыталась представить картину целиком. Получается, когда я увидела Винсента, это существо как-то на расстоянии воздействовало на меня? Оно увидело меня через окно, был контакт глаза в глаза, мы слышали друг друга — голос Винсента я различала четко, а не какое-то рычание или иные звуки. Интересно, а что в тот момент слышал Итан? Нужно будет у него спросить.

Взяв один из рисунков, я почувствовала, как в груди все сжалось. Несмотря на то, что за окном было еще утро, глядя на уродливые глаза, изображенные на бумаге, становилось не по себе. Если Итан и правда видит их настоящий облик, то почему он так спокоен? Хотя, скорее всего, он уже привык — ему не доставляет дискомфорта смотреть на них.

Мотнув головой, я продолжила читать научные работы Месмера.

«Открытие принципа, действующего на нервы, назревало давно, ведь он крайне важен в жизни каждого человека. Этот принцип способен расширить кругозор, сделать человека счастливее и победить болезни, которые до сих пор не поддавались лечению. Однако те положения учения, которые я излагал в последние годы, были встречены публикой с ревностью, завистью, гордыней и недоверием. Порой дело доходило до намеренного искажения моих слов, лишь бы эта теория была забыта.

Человек по природе своей — наблюдатель. С самого рождения он постепенно учится владеть своим телом. Глаза были бы бесполезны, если бы природа не заставляла их замечать каждое движение вокруг новорожденного. Свет и тень учат его видеть мир объемным, но этого было бы недостаточно, если бы к зрению не подключались другие органы чувств. Лишь соединяя все восприятия и ощущения, человек выстраивает более или менее правдивую картину окружающего мира. Но эта картина — результат его собственных умозаключений, сложных из впечатлений, полученных от органов чувств».

Читать его работы вперемишку с бабушкиными заметками было тяжело. Много из написанного оставалось мне непонятным. Если Итан и бабушка разбирались в этом благодаря годам изучения, то мне приходилось продираться через текст с трудом. Я улавливала лишь отрывки, по несколько раз перечитывала одно и то же, возвращалась к бабушкиным пометкам, но даже ее попытки объяснить все короче и яснее не спасали. Через несколько часов я уже всерьез сомневалась в собственных способностях.

«Я имел некоторые знания о свойстве природных магнитов. Мне были известны опыты, проводимые во Франции, Германии и Англии по напитыванию человеческих организмов магнетическими соками минеральных магнитов, что применялось для лечения желудочных и зубных заболеваний. Схожесть этих опытов с моей системой подвинула меня к применению магнитов в лечении заболеваний. Когда больная находилась в стадии, свободной от приступов, я начал готовиться к проведению магнитной терапии во время следующего периода приступов. С этой целью я дружественно обратился к господину Патеру Хеллю, профессору астрономии. Я попросил его изготовить несколько магнитов особой формы, которые нужны были мне для лечения. Он пообещал изготовить заказанные магниты».

Я не заметила, сколько времени провела за чтением. За окном уже перевалило за полдень, когда...

— Интересно? — раздался голос совсем рядом, у самого уха.

Я вздрогнула и едва не вскрикнула. Книга выскользнула из рук и с глухим стуком упала на пол. Обернувшись, я увидела Итана — он стоял совсем близко, и на губах его играла мягкая, чуть виноватая улыбка.

— Прости, — сказал он тише. — Я не хотел тебя пугать.

— А получилось наоборот, — я прижала ладонь к груди, чувствуя, как быстро бьется сердце.

— Я думал, ты слышала, как я вошел, — он слегка склонил голову, заглядывая мне в лицо.

— Нет. Я слишком увлеклась.

— Вижу.

Он перевел взгляд на упавшую книгу и неторопливо наклонился. Поднял ее с пола, но не сразу выпрямился — провел ладонью по обложке, стряхивая невидимую пыль, будто хотел выиграть мгновение. Затем все же выпрямился и протянул книгу мне.

Наши пальцы на миг соприкоснулись. Его рука была теплой, почти горячей, и от этого короткого касания по коже пробежала легкая дрожь. Я поспешно забрала книгу и прижала ее к груди, чувствуя, как щеки заливают краска.

— Хотел посмотреть, как ты выглядишь, когда читаешь, — ответил он просто, заметив мое замешательство.

Я смутилась и отвела взгляд.

— Ты нашел что-нибудь в лесу?

— Немного, — сказал он, отступая на шаг, чтобы не нависать. — Ничего такого, что требовало бы твоего внимания прямо сейчас.

— Ты рано вернулся, — нахмурилась я. — Думала, тебя не будет до вечера.

— К сожалению, стоит уйти чуть дальше — и состояние резко ухудшается, — ответил он с тенью усталости в голосе.

— В каком смысле ухудшается? — я вскинула брови.

— Полагаю, место, откуда они появляются, создает какое-то давление. Что-то вроде барьера, не подпускающего никого близко к их укрытию.

— То есть стоит тебе приблизиться к их логову — и ты сразу чувствуешь недомогание?

— Верно, — кивнул он. — После того случая, когда я потерял сознание и очнулся уже ночью, практически подставив себя им на блюде... — он сжал губы в тонкую линию. — Я предпочитаю не рисковать.

— Это звучит ужасно, — прошептала я, невольно обхватив себя руками.

— Согласен, — коротко бросил он и вдруг взял в руки мою книгу. Его взгляд скользнул по обложке. — «Доклад об открытии животного магнетизма»... Значит, решила начать с Месмера?

— А почему бы и нет? — я пожала плечами. — Ты упоминал его в своих рассказах, вот я и решила посмотреть сама.

— Любопытный выбор, — Итан усмехнулся и, прищурившись, пробежал глазами по корешку. — Месмер — фигура спорная. Одни считали его едва ли не чудотворцем, другие — шарлатаном. Но в одном ему не откажешь: он первым стал всерьез говорить о влиянии одной воли на другую.

— Почему спорная?

Он задумчиво провел пальцем по краю обложки, будто взвешивая книгу в руке.

— Понимаешь, его «животный магнетизм» сам по себе — не совсем то, что нам нужно. Там слишком много театра, мистики. Но если отбросить все эти пассы руками, флюиды и прочую чепуху, останется главное: один человек может внушать, а другой — поддаваться. И вот это уже близко к тому, что делают они. Я, если честно, не просто так к нему присматривался — читал его работы, отчеты комиссий, которые его разоблачали. Этого хватило, чтобы понять: Месмер ухватил нечто настоящее, но облек это в ложную форму. Элеонора тоже так считала. Он сам до конца не понимал, с чем столкнулся.

— И поэтому его труды вам не помогли?

— Почти. — Он покачал головой. — Единственное, что мы почерпнули, — это теория о гипнозе и его связь с нервной системой. Возможно, существа действительно устанавливают контакт и влияют на сознание.

Я закусила губу, колеблясь, а затем решилась:

— Знаешь... мне вот что стало интересно.

— Ну? — Итан слегка наклонил голову, внимательно всматриваясь в меня.

— Что ты слышал той ночью, когда я видела Винсента? Он говорил со мной... Я слышала его голос. Отчетливо.

Итан нахмурился.

— У них другой язык, — произнес он после паузы. — И его я, к сожалению, не понимаю.

— Тогда как вы узнали, чего они хотят? Как поняли, что их нельзя впускать?

— Через Элеонору и других... — медленно начал он. — Я слышу их настоящую речь, но не понимаю ее. А остальные слышат голоса знакомых людей. Они умоляли впустить их в дом. Так мы и поняли: именно этого нельзя допустить.

Я поёжилась, представив, как чужой голос звучит голосом близкого человека.

— А что ты будешь делать, когда найдёшь их логово? У тебя есть план, как от них избавиться?

Итан отвёл взгляд и задумчиво провёл пальцами по столу, заваленному бумагами и книгами. Несколько секунд он перебирал пергаменты, пока наконец не достал пожелтевший, потрёпанный временем листок. Склонив голову набок, он протянул его мне.

Практическое руководство по изгнанию и уничтожению сущностей, принимающих чужой облик

Для ритуала сожжения облика потребуются: след существа (ткань, волосы, ногти или фотография), живой огонь (костер или свеча из натурального воска), защитные травы (полынь, зверобой, чертополох) и железный предмет (нож или гвоздь).

Огонь разводят на улице в безветренную ночь, складывая костер треугольником. В пламя бросают полынь или серу. Если огонь шипит, коптит или не разгорается — это признак сопротивления: в пламя бросают щепотку соли и протыкают куклу железным гвоздем.

Пепел нельзя трогать руками — его смещают железной лопатой и закапывают на перекрестке, затем трижды переступают через костер назад и обрызгивают себя и место ритуала соленой водой. Если кукла не сгорает полностью — сущность еще сильна. Зеленое или синее пламя указывает на демоническую природу; ритуал немедленно прекращают.

Метод огненного круга применяют, когда существо проникло в дом и его можно загнать в ловушку; желательно иметь помощников. Потребуются: сера или полынь, масло или спирт, железные колья или цепи, священный символ (крест или мандала).

На полу мелом, углем или серой чертят окружность диаметром не менее трех шагов, внутри рисуют пентаграмму или крест. По краю насыпают смесь серы, соли и полыни и поджигают по часовой стрелке с заклинанием: «Огнем пожирается, цепью сковывается, кто с чужим лицом — тому гореть в этом кругу!»

Существо заманивают внутрь приманкой, например зеркалом, где оно увидит свой истинный облик. При агрессии применяют железную сеть. Огонь поддерживают маслом или спиртом. Если существо бьется, в него бросают серебряный предмет. Белое пламя — знак очищения, сущность исчезает.

Оставшийся пепел собирают железными щипцами и закапывают в известняке.

Главные опасности: нельзя разрывать круг, иначе сущность вырвется и станет сильнее; если огонь гаснет сам — нечисть превосходит силу ритуала, нужно немедленно отступить. Методы требуют точного соблюдения деталей и максимальной концентрации.

— И это должно помочь? — поинтересовалась я, с сомнением разглядывая листок.

— Для начала стоит попробовать хотя бы это, — Итан пожал плечами. — Подобных ритуалов не так уж много. Выбор невелик.

— Получается, такие опыты уже проводились? — Я неуверенно провела пальцами по краю стола.

— Да. — Он кивнул и откинулся на спинку стула. — Эти записи принадлежат Эдгару Мортону Блэквуду.

— Кто это?

— Профессор. Один из тех, кто стоял у истоков параантропологии как научной дисциплины.

— Никогда о нем не слышала.

— Неудивительно, — Итан усмехнулся уголком губ, но тут же посерьезнел. — Он был известен лишь в узких кругах. Человек замкнутый, почти без личной жизни. Уже в юности

проявлял странности, а после гибели брата в шестьдесят первом совсем ушел в себя. Современники описывали его как молчаливого аскета, который избегал любых контактов, кроме научной необходимости. Главный труд обнародовали только после его смерти.

Я нахмурилась, невольно представляя угрюмого отшельника, запертого в лаборатории среди книг и пыли.

— Что с ним случилось?

— Его тело нашли одиннадцатого ноября девятнадцатого года, — Итан заговорил тише, но от этого стало только тревожнее. — В лаборатории Оксфорда. Сидел за рабочим столом, с пером в руке. Лицо застыло в гримасе ужаса. Даже патологоанатомы едва не отказались от вскрытия. Внутренние органы отсутствовали полностью, как и у его брата. Кожа превратилась в нечто среднее между пергаментом и хитином. А на спине — шрамы, складывающиеся в рунические символы.

Он провел ладонью по лицу, будто сгоняя усталость, и посмотрел на меня.

— Звучит чудовищно, — выдохнула я.

— Так и есть. Но это еще не все, — сказал он. — Все, кто был с ним знаком, отмечали: перемены начались после смерти брата. Он стал замкнутым, временами вел себя странно. Те, кто верит в демонов и нечисть, уверены — он знал гораздо больше, чем позволил себе написать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.